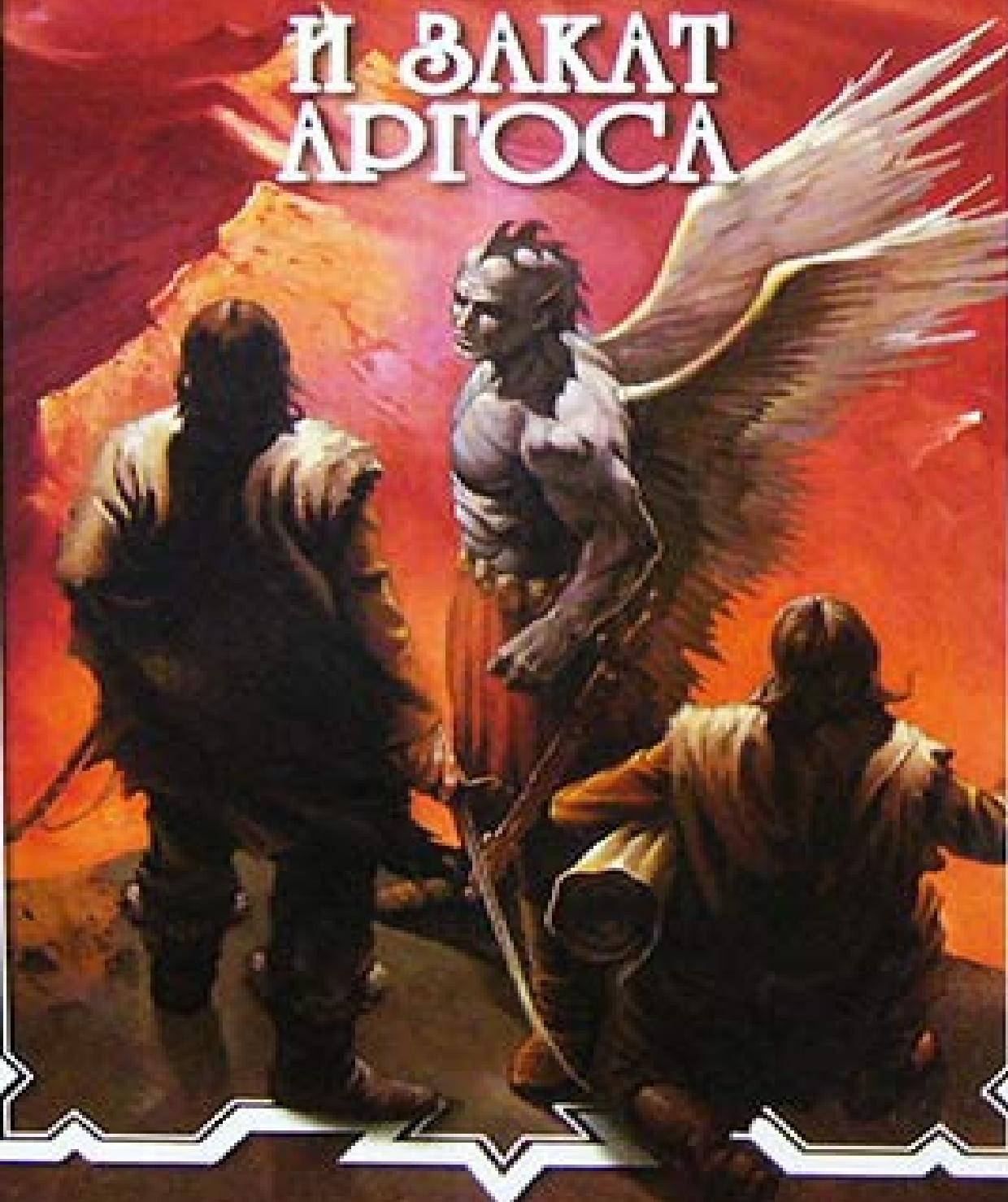

8

КОНАН ІІ ВАКАТ АДГОСА

Annotation

Новые, смертельно опасные приключения Конана и Паломы, в третьей повести цикла "Наёмники короны"...

- [Норманн Хьюз](#)

○

Норманн Хьюз

Братья по оружию

*На двоих — одна дорога,
Корка хлеба и вода.
Спрашивают очень строго,
А вот хвалят — не всегда.
Ни единого сраженья
Миновать не суждено.
Знали голод и лишенья —
Не сдавались всё равно.
Не судите нас, о боги!
Мы не просим тишины.
Ваши райские чертоги
Вольной птице не нужны.
Мы берем за око — око.
Жизнь — пламенем свечи.
Наша дружба — это много.
А не знаешь — помолчи.*

Питер Эннар «Братья по оружию»

— Ну и где, скажи на милость, демоны вас столько времени носили? Должно быть, бельверусские красотки оказались чудо как хороши, что ты не спешил возвращаться! Или всему причиной немедийское вино?

Вместо ответа, Конан с усталым вздохом потянулся в кресле, поудобнее устраивая гудящее после долгой скачки тело. Еще бы! Ведь последние десять дней он провел в седле, торопясь скорее оказаться в Коринфии. Потянувшись за кувшином, он в очередной раз наполнил — и тут же осушил вместительный кубок.

— Нет, с коршенским никакое другое вино не сравнится, — тоном знатока отозвался он наконец, словно и не замечая раздражения собеседника, которое, впрочем, было напускным, вызванным исключительно тревогой за безопасность киммерийца и его спутницы. — Конечно, пуантенское тоже неплохо, да и розовое аргоское...

— Зубы-то мне не заговаривай! — Однако Грациан тоже не выдержал, рассмеялся с облегчением. — Почему вы так задержались?

— О, это целая история. Пусть лучше Палома тебе расскажет. Я у нее был вроде мальчика на побегушках, так что подробностей не знаю. Сам понимаешь, она у нас девица боевая, самостоятельная...

Грациан хмыкнул при упоминании о своей подопечной, наемнице бельверусской тайной службы, которую он две луны назад вызволил из тюрьмы, где ей грозила казнь за убийство. В благодарность за спасение, та помогла коринфийцу раскрыть заговор Черного Кречета — воинственного немедийского Ордена, грозившего захватить графство Коршен.

Вместе с Конаном Палома отправилась в Бельверус, чтобы навсегда покончить с этой угрозой, а заодно и разоблачить высокопоставленного предателя в самом Коршене. Однако

имя этого человека узнать им так и не удалось.

— Похоже, эту тайну барон Скавро унес с собой в могилу, будь проклята его черная душонка! — заключил киммериец свой рассказ обо всем, что произошло в столице Немедии.

Грациан пожал плечами.

— Признаться, я не слишком-то и рассчитывал на удачу. Хотя меня не оставляет мысль, что если бы я мог сам отправиться с вами... Э, да что говорить!.. — Он со злостью стукнул кулаком по колену.

Конан с сожалением посмотрел на коршена. Физическоеувечье Грациана было темой, которую оба обычно старательно обходили в разговоре. Но сейчас Месьор сам заговорил об этом, и северянин рискнул высказать наконец то, что уже давно тяготило ему душу:

— Знаешь, я все думаю... Если бы тогда этот парень, которого ты послал меня отыскать, подоспел вовремя... Кром свидетель, уж я бы выпустил кишки из того подлеца, что на тебя напал! Как вспомню об этом — прямо от злости все кипит. Если бы я был рядом!.. Если бы только я мог отыскать этого ублюдка!

Вмиг посеревший, Грациан поднял на киммерийца глаза. Усталый, больной взгляд калеки, обезноженного, вот уже несколько лет прикованного к креслу...

— Ты благородный человек, друг мой, — вымолвил он прочувственно. — Возможно, один из самых благородных, кого я знаю... Но перестань себя казнить — что случилось, того не воротишь. И если бы даже ты нашел того, кто пустил эту злосчастную стрелу... ноги мне уже не вернешь. Так что не стоит и говорить об этом! И потом — у меня остались верные друзья. Это важнее всего.

Сам Конан с ужасом думал о постигшей Грациана судьбе — деятельной натуре киммерийца невыносима была мысль о вынужденной неподвижности, и если бы — храни Кром! — ему довелось оказаться на месте коршена... Об этом лучше даже не помышлять! То, что Месьор не сошел с ума, не озлобился на весь белый свет, было невероятным чудом. К тому же, он не утратил интереса к тому, что творится вокруг, хотя сам уже едва ли мог играть какую-то активную роль в событиях. И за это северянин уважал его еще больше.

— Ладно, — засмеялся вдруг Грациан. — Что-то мы оба расчувствовались, словно плачальщицы на похоронах. Хватит об этом — пора поговорить о делах.

— Ага! — Довольный, киммериец потер ладони. — Ты опять что-то замыслил? Вот и отлично! По мне, так ничего нет хуже, чем сидеть сложа руки! Давай, выкладывай... — Сейчас, глядя на подтянутого, горящего боевым духом наемника, никто не поверил бы, что этот человек только вернулся из долгого, полного смертельных опасностей путешествия. Он вновь рвался в битву!

— Собственно, замыслил не я, — пояснил Грациан. — Так получилось, что помочь нужна одному моему другу. Впрочем, вы с ним знакомы. Это Гарбо, помнишь его?

Гарбо? Конан нахмурился. Они встречались всего один раз, и свела их опять же Палома — когда они все вместе искали убийцу барона Скавро и распутывали заговор Кречета в Коршене. Парень показался северянину тертым пройдохой с повадками убийцы, и как выяснилось позже, он не ошибся. Гарбо был одним из главарей воровского «дна» в Коршене, третьим человеком в местной преступной иерархии. Сам Конан немало якшался с подобными людьми в Шадизаре и Аренджуне, да и в других местах, так что прекрасно представлял себе, с кем имеет дело. Но что может связывать этого человека с Грацианом? Ведь тот все же был пустынским и незаконным, но отприском правящей династии Коршена!

Без обиняков, верный себе, он так и спросил Месьора. Тот засмеялся коротким, лающим

смехом.

— Мы с Гарбо — одного поля ягоды. Хуже того, родичи. Двоюродные братья, и обаbastardы. Мать его была обычной потаскуньей, зато отец... Бывший наследник коршенского трона, смешно сказать!

— Тот самый, которого... — Конан не договорил. На его взгляд, в истории этой, кровавой, запутанной и грязной, как и любая борьба за власть, не было ровным счетом ничего смешного. В свое время, тридцать с лишним лет назад, нынешний граф коршенский Лаварро, безродный аргосец, силой повел под венец дочь прежнего правителя, в ту пору как раз беременную Грацианом (кто был отец младенца, никто не знал, хотя слухи ходили самые разные...), после чего вместе с верными ему наемниками вырезал все остальное семейство, от стариков до юнцов, таким образом обеспечив себе законное престолонаследие. Так одна династия сменила другую. И уцелела лишь супруга графа, ее сын-бастард, а вот теперь еще, оказывается, этот Гарбо...

Одно соображение, впрочем, Конана заинтересовало.

— Так, выходит, Гарбо тоже готов претендовать на коршенский трон? И Орден Кречета вполне мог иметь дело именно с ним...

Грациан покачал головой.

— Никаких шансов. Незаконнорожденный никогда, ни при каких обстоятельствах не может принять графскую корону. Это закон повсюду в Коринфии, в том числе и здесь, в Коршене. К тому же Гарбо, с его разбойниччьими повадками, во дворце не усидеть. Нет, уж можешь мне поверить, нынешнее положение устраивает его куда больше. А если ты еще поможешь ему решить одну небольшую проблему...

Что ж, по собственной воле Конан едва ли согласился бы работать на пару с этим проходимцем, но сейчас его просит друг — а это совсем иное дело!

— Сделаю, что смогу, — коротко отозвался он, и этого было достаточно. Грациан уже не раз имел случай убедиться, что слово северянина крепче стали.

* * *

Месьор ничего не рассказал Конану о планах Гарбо, предпочитая, чтобы тот сам поведал о своих затруднениях, и когда Меттерианор, верный слуга Грациана, наконец доложил о приходе гостя, северянин как раз задал интересовавший его вопрос:

— Кто еще будет в деле? Из тех, кого я знаю...

— Ты имеешь в виду моих кровников? — Так именовалась личная стража Месьора. — Или Палому?

— И тех, и других. — Среди кровников у Конана за те полгода, что он жил в Коршене, появилось немало добрых друзей, и он был бы рад, если бы кто-то из них прикрывал ему спину — на Гарбо он положиться явно не мог.

Но Месьор лишь покачал головой.

— Дело это достаточно деликатное, а мои парни слишком хорошо известны в городе, я не могу подставляться в открытую. К тому же, тут потребуется деликатность и ловкость особого рода, которой... не учат простых стражников. А тебе опыта не занимать.

— Так бы сразу и говорил. — Конан хмыкнул. Собственно, они с Грацианом и познакомились-то, когда киммериец промышлял воровством в Заморе, так что ничего

удивительного, что коршенец сейчас вспомнил об «особых талантах» своего приятеля. — А Палома?

— Н-нет. — Удивительное дело, но Месьор, похоже, смутился. — Я не хотел бы ее впутывать в эту историю.

Конан лишь приподнял брови, ничего не сказав, но Грациан верно истолковал его недоумение — и разразился смехом.

— Нет, приятель, дело отнюдь не в том, что я хочу уберечь эту сорвиголову от неприятностей — она их в любом случае отыщет себе выше крыши. Но, возможно, нам понадобится помочь одной особы... а мне очень не хотелось бы, чтобы они с Паломой встретились. По крайней мере, сейчас.

Чего Конан всю жизнь не выносил, так это излишней таинственности — особенно, когда темнить принимались друзья. Но, с другой стороны, чужие секреты надо уважать. Не хочет Грациан говорить начистоту — дело его. А там посмотрим...

Шум в дверях отвлек мужчин, и оба обернулись на звук шагов.

— Опаздываешь, Гарбо, — поморщился Грациан. Тот, пожав плечами, молча прошел по комнате и уселся. Так же молча потянулся и налил себе вина. Со стороны, отметил Конан, все это отнюдь не походило на встречу любящих родичей. Почему же тогда Грациан так рвется помочь своему братцу?

Коршенский «черный барон» тем временем поднял глаза, встретившись взглядом с киммерийцем. Тот и не подумал отвести взор. Несколько мгновений длилось молчаливое противостояние — наконец Гарбо ухмыльнулся.

— Рад, что ты на моей стороне, Конан. Таких, как ты, опасно иметь своими врагами.

— Вот-вот. И советую никогда не забывать об этом.

И все-таки то, что вор так открыто признал поражение, расположило к нему северянина. Словно встретились на узкой лесной тропе два заклятых врага — волк и лис... и разошлись без драки, ибо каждый почувствовал в другом матерого, опасного зверя... Разошлись почти с уважением.

— Вот и славно, — подвел итог Грациан, от цепкого взгляда которого, разумеется, не укрылся этот безмолвный поединок. — Я так и знал, что вы поладите. А сейчас вам придется меня извинить, я вас покину. Гарбо все расскажет тебе, Конан. А мы поговорим завтра. Меттерианор! — Карлик-слуга тут же поспешил на зов, вместе со своим близнецом. Вдвоем они подняли кресло Месьора и поспешно вынесли его из комнаты.

Киммериец и коршенец остались одни.

* * *

Дело, которое предлагал северянину Гарбо, оказалось несложным — но теперь становилось понятно, почему и впрямь без помощи Конана тут было не обойтись.

Если говорить напрямик, то «черного барона» давно уже тяготило его место в иерархии городского «дна». Он был третьим — а хотел подняться выше. Однако на пути стоял другой хищник, столь же опасный, закаленный в боях и — до сих пор казалось — неодолимый.

— Чтобы убрать Тусцеллу, я чего только не замышлял, — без обиняков делился своими проблемами Гарбо. — Но проблема ведь еще в том, чтобы никто из «баронов» не заподозрил, что к устранению Стервятника я приложил руку. Иначе — порвут в клочья.

Закон...

Так, в последний раз он даже намеренно угодил в городскую темницу за какую-то мелкую провинность, чтобы доказать свою непричастность к налету на Тусцеллу — а тем временем его люди должны были разделаться с проклятым врагом. К несчастью, затея окончилась крахом, Стервятнику удалось спастись...

— Я только чудом сумел отбрехаться на общей сходке, когда начали выпытывать, как, да что... — Гарбо с тоской выругался, вспоминая, как провалился его до мелочей продуманный план. — А потом я узнал, что все это вышло неспроста. Тусцеллу выручило колдовство!

— Вот как? — Чародейства Конан не терпел ни в каком виде, и весть о том, что вновь придется иметь дело с этой грязью, отнюдь не наполнила его радостью. — И что же там такое?

— Один маг из Косалы продал Тусцелле статуэтку какого-то их божка, — пояснил Гарбо. — Пустяковая на вид фигурка, глиняная, грошовая — но с большой силой. По слухам, она может предупреждать хозяина об опасности. Не знаю уж как именно — синим пламенем вспыхивает, или ослиным голосом ревет, но только Тусцелла без нее никуда. Каждый вечер непременно на нее любуется, чтобы знать, нет ли какой угрозы. И если что-то неладно — тут же охрану утраивает, мечи наголо... ну, в общем, сам понимаешь. Кроме того, он теперь вообще никогда из дома не выходит. Окопался, как в крепости, целой армии не хватит!

Конан с сомнением покачал головой.

— Так, как ты это описываешь, я что-то не представляю, что можно придумать...

Ответом был злорадный смех Гарбо.

— Зато я представляю... Нужно лишь чтобы, как говорится, правая рука не знала, что делает левая. Кто-то один должен украсть статуэтку. Другой — выманить Стервятника из гнезда. Ну, а третий — прикончить ублюдка.

— Только и всего? — в голосе киммерийца явственно слышалась ирония. Но коршунец не обиделся.

— Я не говорю, что это будет просто. Однако — нет ничего невыполнимого, если взяться за дело с умом. Грациан поможет мне с приманкой для Тусцеллы. У него есть кое-что на примете. Она... этот человек отлично справится — и главное, ни сном, ни духом не ведая о том, ради чего все затевается. Так что божок этот, будь он хоть трижды волшебный, никакой угрозы почуять не сможет. А тут уже в дело вступишь ты. Выкрадешь статуэтку. После чего...

— Останется хорошенько поработать мечами? — Конан хищно усмехнулся. Перспектива доброй драки, как всегда, наполняла душу пьянящим возбуждением. — Что ж, я готов!

Но Гарбо неожиданно воспротивился:

— Нет. Браться за оружие тебе нельзя ни в коем случае, даже не помышляй об этом! Пока ты думаешь только о краже глиняной куклы, ты не представляешь опасности лично для Тусцеллы. Понимаешь? Приманка тоже не угроза, поскольку ни о чем не подозревает. И проклятый божок будет нем, как рыба! Стервятник не заподозрит неладного — до тех пор, пока не подоспят мои молодцы. Вот такой вот план. Что ты об этом думаешь?

Конан пожал могучими плечами.

На его взгляд, в любом плане всегда имелись изъяны — и проявлялись они, как правило, в самый неподходящий момент. Но, с другой стороны... почему бы и не рискнуть? Конечно, если вознаграждение будет достойным.

Этот вопрос Гарбо, разумеется, предвидел. Сотня золотых перекочевала в карман

северянина немедленно. Еще пятьсот он должен был получить, когда принесет статуэтку.

— Но Тусцелла ведь насторожится, когда обнаружит пропажу.

— Не успеет, — хмыкнул коршенец. — Все предусмотрено. Вот только не взыщи — тебе я не могу ничего рассказать. Иначе, сам понимаешь, все пойдет прахом...

Эта часть плана нравилась Конану меньше всего — однако он уже дал согласие. Отступать было поздно.

Что ж, попробуем сыграть вслепую, решил северянин. Но даже с завязанными глазами он никому не даст себя одурачить!

* * *

Вечером следующего дня Гарбо вновь появился в покоях Месьора — и опять опоздал против назначенного часа.

— К тебе не так легко попасть незамеченным, — вместо извинений бросил он Грациану, который, в ожидании гостя, успел прикончить почти целый кувшин вина, — впрочем, никаких признаков опьянения не выказывая. — Ты же не хочешь, чтобы по городу пошли слухи о том, что мы опять что-то замышляем...

Месьор недобро усмехнулся в ответ. Глаза под набрякшими веками блеснули — но тут же вновь погасли, взор сделался привычно усталым и тусклым. И все же, доведись сейчас увидеть своего приятеля Конану — или Паломе — они были бы порядком удивлены, ибо человек, встретивший в своих покоях Гарбо, мало чем напоминал того Грациана, которого знали они. Зато любой коршенец старше сорока без колебаний заявил бы, что зрит перед собою тень графа Маргелия. Того самого... убитого наемником Лаварро три десятка лет назад. Хищно кривился рот, на лице застыло выражение настороженной угрозы, во всем облике калеки чувствовалась несомненная опасность. Даже Гарбо, крепкий, здоровый мужчина, как будто осторожничал, то и дело косясь на двоюродного брата.

— Так что, она... согласилась? — наконец решился он.

Грациан кивнул.

— Мне это стоило немалого труда: ты же знаешь, она вот уже десять лет как не показывается на люди, а уж принять участие в такой авантюре... Но ты все же сын Паллия. Она не могла отказаться.

— Особенно зная, как ты умеешь убеждаться... — Гарбо попытался засмеяться, но получилось скверно. Он явно нервничал — и с каждым мгновением все сильнее.

— Не понимаю, о чем ты. — Месьор отозвался нарочито сухо, однако в уголках губ затаилась усмешка. — Скажи лучше, удалось ли тебе договориться с Конаном?

— Разумеется. Уж не знаю, что сыграло свою роль — золото, или то, что это ты попросил его помочь... но он согласился. И не задавал никаких вопросов. По-моему, он ни о чем не догадывается.

Сидевший в кресле калека поморщился.

— На твоем месте, я бы не слишком на это рассчитывал. У нашего варвара, несмотря на медвежью внешность, — острый ум, чутье и недюжинная смекалка. К тому же, он не терпит обмана. Так что если он раскроет твою невинную хитрость... смотри, я тебя предупреждал.

Предупреждение это, однако, не было воспринято всерьез. Гарбо лишь небрежно повел плечами.

— Он ничего не заподозрит. Да и потом — Конан меня сейчас заботит меньше всего. Пусть пока пошатается вокруг дома Тусцеллы, обследует все и как следует подготовится. Если мы успеем вовремя — уже послезавтра ему предстоит идти на дело.

— Да, с этим лучше не тянуть, — согласился Грациан. — Чем дольше мы собираемся, тем сильнее вероятность, что кто-то узнает о наших планах, или что-то пойдет наперекосяк. Я просто хотел еще раз предупредить тебя — не подставляй северянина больше, чем мы условились. Он все-таки мой друг...

И вновь предупреждение пропало втуне. Напротив, слова Месьора как будто даже позабавили его собеседника.

— О, да. Ты — и твои представления о дружбе! Боюсь, они так сильно расходятся с общепринятыми, что...

— Помолчи! — Грациан оборвал Гарбо так резко, что тот даже поперхнулся от неожиданности. Сейчас в голосе калеки звучала небывалая власть и сила.

— Мальчик мой, тебя ли я слышу?! — раздался внезапно голос в дверях. — Клянусь небом, на миг мне показалось даже, что это сам...

Женщина не договорила. Гарбо, вскочив с места, бросился ей навстречу. Почтительно опустился на колени. Прижался губами к ее запястью. Даже Месьор дернулся в своем кресле, точно забыв на миг о своем увечье — но тут же неловко осел, выругавшись сквозь зубы.

Впрочем, он мгновенно овладел собой.

— Матушка!

— Да, милый, это я. У меня появилась нежданная возможность ускользнуть — и я поспешила воспользоваться ею. Прости, что не смогла тебя предупредить...

С этими словами женщина прошла в комнату, на миг задержалась перед креслом Грациана, взирая на него сверху вниз со странной смесью жалости, любви и страха, потом быстро наклонилась, поцеловав его в лоб — и поспешила отойти, как будто опасаясь задержаться рядом слишком надолго.

Гарбо усадил ее в свое кресло, сам подвинул себе другое... и какое-то время все трое молчали, глядя друг на друга — а потом заговорили все разом:

— Ты совсем не изменился, Гарбо...

— Рад видеть тебя в добром здравии, матушка...

— Как хорошо, что вы смогли прийти, графиня...

И все трое засмеялись. Неловкость понемногу таяла, словно льдинка под солнцем.

Графиня, в свои без малого пятьдесят лет была все еще хороша собой. Высокая, сохранившая почти девическую стройность фигуры, она держалась очень прямо и несла себя с достоинством королевы. Темные волосы, в которых едва проглядывала седина, были убраны под капюшон плаща. Морщин на лице почти не было заметно — только горестные складочки в уголках губ, да паутинка вокруг черных, молодо блестевших глаз.

— Город так изменился, — произнесла она вдруг задумчиво, ни к кому не обращаясь. Десять лет я не ступала на улицу... это так странно. Хотя дорогу сюда, в наш старый дворец, я нашла бы и вслепую!

— Город изменился? — переспросил Грациан.

— О, да. Стало чище. Богаче. Люди... какие-то другие. Все же Лаварро не такой уж плохой правитель...

Гарбо округлил глаза.

— Вы оправдываете его, графиня? После всего, что он сделал?!

Та пожала плечами. Вместо матери ответил Месьор.

— Надо разделять самого человека — его натуру, устремления... и отдельные поступки.

Деяния могут нести зло другим людям, однако...

— О, только не надо мне этих митрианских проповедей! — Гарбо был все себя от возмущения. — Я оцениваю людей лишь по тому, что они сделали мне лично. Этого достаточно!

Грациан засмеялся.

— Смотри, не забудь об этом, когда наш друг-северянин раскусит твою игру!

— Если раскусит... И довольно об этом! Ты просто помешался на своем киммерийце, а это никогда для тебя добром не кончается. Вспомни хоть, в прошлый раз, с этим немедийским щенком...

— Гарбо. — В голосе Месьора слышался свист бича. Шипение змеи. Глаза на закаменевшем лице смотрели с такой ненавистью, что Гарбо, даже оторопел, испугавшись, что на сей раз в своей дерзости зашел слишком далеко. — Ты — больше — никогда — не будешь — поминать...

— Мальчики. Мальчики, — властно вмешалась графиня. — Податься вы все равно не сможете, а осыпать друг друга оскорблениеми — пустая трата времени и сил. К тому же, мне скоро нужно возвращаться, пока меня не хватились, а мы еще ни о чем не договорились...

Медленно, неохотно Грациан опустил голову. Стиснутые челюсти понемногу разжались. Гарбо шепотом пробормотал какие-то извинения... Когда же Месьор вновь посмотрел на графиню — его было не узнать. На лице играла приветливая улыбка, глаза смотрели почти весело.

— Прошу простить, матушка, что тебе. пришлось стать свидетелем этой сцены. Я что-то совсем одичал в последнее время... Но нам, и правда, пора поговорить о делах. Гарбо. Поведай графине, чего ты хочешь от нее.

— О, да, — ожила женщина. — Грациан сказал мне только, что я должна сыграть какую-то роль, чтобы выручить тебя из беды. Я не уверена, что смогу... все-таки уже столько лет я ни с кем, кроме слуг, не общаюсь... но мой долг — помочь сыну Паллия. Я сделаю все, что в моих силах.

— Графиня! — Гарбо рассыпался в благодарностях. — В нашем плане нет ничего сложного — однако кроме вас никто не сумеет справиться с этой ролью. Вы должны будете изобразить знатную аквилонку, которая оказалась в Коршене проездом. И здесь у нее внезапно случились денежные затруднения. Поэтому она хочет продать кое-что из своих украшений. Самоцветы и жемчуг. Но поскольку в городе она не знает никого, то вынуждена обратиться за советом к хозяину постоянного двора.

— О, так мне придется жить там?

— Два или три дня, не более, матушка. Ты сможешь на это время оказаться больной во дворце?

Женщина пренебрежительно усмехнулась.

— Лучше на меня нападет очередной приступ набожности. Я запрусь у себя, дабы молиться Митре за грехи своего рода. Они уже знают, что в такие дни меня лучше не беспокоить!.. — По губам ее скользнула лукавая улыбка, и на миг эта величественная женщина сделалась похожа на ту шкодливую девчонку, какой была когда-то...

— Вот и отлично. За наши грехи стоит помолиться, — серьезно кивнул Грациан. — Что

касается хозяина «Золотого быка» — то он не преминет доложить кому следует. И можешь быть уверена, что покупатель появится очень скоро.

— Если вам самой предложат отправиться куда-то на встречу — отказывайтесь наотрез, — добавил Гарбо. — Тусцелла должен прийти к вам сам. Настаивайте на этом.

— А если он пришлет кого-то из подручных? — Графиня, похоже, уже вовсю включилась в игру, и это неожиданное приключение искренне забавляло ее. Еще бы — после стольких лет затворничества!

— Несомненно, сперва он именно так и сделает. Но ты покажешь его человеку камни такой изумительной красоты, что Тусцелла обязательно пожелает взглянуть на них сам, прежде чем покупать. Он помешан на драгоценностях!

— Верно ли я поняла... — Графиня устремила проницательный взор на сына, — что ты имеешь в виду ожерелье, оставшееся мне от отца? — В голосе ее звучал неподдельный ужас. Но Грациана это, похоже, ничуть не смущило.

— Это всего лишь камни, мама. Стекляшки — пусть они и стоят целое состояние. Но разве они купили тебе счастье? Разве они стоят нескольких минут веселья? Полнокровной жизни?

Графиня рассмеялась.

— О, да. Ты прав, сын своего отца! Ты прав. И я сделаю это! Но... — вновь засомневалась она, — А не попытается ли этот ваш Тусцелла попросту украдь ожерелье? Подошлет своих разбойников, и... — она сделала выразительный жест рукой у горла. — Видите, мальчики, даже до несчастной затворницы дошла репутация этого злодея — а ведь он истинный негодяй, и ни перед чем не остановится!

Грациан кивнул. Он не собирался обманывать мать, преуменьшая опасность: слишком высоко ценил ее, чтобы опускаться до утешительной лжи.

— Скорее всего, он именно так бы и поступил — если бы ему дали время. Но сперва ему придется все же выбраться из своей норы, чтобы полюбоваться на твои сокровища. Он же должен решить, стоит ли игра свеч! А нам этого будет достаточно. Ты же, как только встретишься с ним, — немедленно возвращайся во дворец. Не смей рисковать собой!

Неожиданно графиня засмеялась.

— Что такое, матушка?

— Да вот я подумала, какая все же это удача для вас, что меня столько лет не видели в городе, что все давным-давно забыли, как я выгляжу. И что бы вы делали в другом случае?!

Вместо ответа Гарбо, поднявшись с места, вновь припал к руке графини.

— Моя госпожа, если бы не вы, нас всех бы не было здесь сейчас...

Грациан с усмешкой прикрыл веки.

— И самое забавное, что это не лесть, а чистая правда. Матушка, я преклоняюсь перед тобой!

...Когда графиня ушла, Гарбо обратился к двоюродному брату:

— Послушай, прости, если я дерзок и лезу не в свое дело, однако я все же член семьи... затворничество графини давно сделалось притчей во языцах, говорят, она уже десять лет не отпирает двери своих покоев ни мужу, ни даже детям... отчего это так? И почему она все же согласилась пуститься с нами в эту авантюру? Я до сих пор не могу поверить...

Но если он и рассчитывал на откровенность, то был разочарован. Лицо Грациана вновь обратилось в каменную маску, и после недолгих раздумий он ответил лишь одно:

— Мне неведомо, что движет матерью, и почему она делает то, что делает. Через пару

седьмиц она может не пустить на порог и меня самого — собственно, такое случалось уже не раз, — не говоря уже о тебе. Лаварро что-то знает об этом — спроси его, если посмеешь. Что касается моих сводных сестер и братьев, они считают ее сумасшедшей. Решай сам

— Но ты? Ты-то что думаешь об этом?

— Я? — Грациан недоуменно передернул плечами, словно ему докучали вопросом, ответ на который был самоочевиден. — О, разумеется, она безумна. Но пусть это тебя не смущает. Разве не таковы же и все мы?!

* * *

Следующий день выдался хлопотным для Конана-киммерийца, однако он не сетовал на усталость, а, напротив, словно даже воспрянул духом после утомительной и бесплодной поездки в Немедию: сейчас он словно вернулся на пять лет назад, когда был удачливым и бесшабашным шадизарским вором, не признающим иных законов, кроме собственных прихотей, превыше всего ценящим отчаянную удачу и капризную удачу. Казалось бы, не так уж много времени прошло с той поры, но Конан здорово изменился. О, он все так же готов был пуститься в самые рискованные авантюры, соблазненный призраком богатства, или даже из чистого молодечества, не слишком заботясь о выгоде; он по-прежнему любил жарких красоток, и те платили ненасытному варвару взаимностью; его кутежи и загулы все так же делались легендой, где бы ни оказался этот достойный сын Крома... однако годы и дороги добавили шальному бродяге мудрости и рассудительности, научили не лезть на рожон и не подставлять попусту под удар свою буйную головушку.

Вот почему, сговорившись о деле с Гарбо, Конан не бросился тут же искать себе подельщиков, с кем взять штурмом убежище Тусцеллы, и не затаился в ожидании ночи, чтобы тайком пробраться в дом и похитить статуэтку... Нет, он решил сперва отправиться туда просто так, на прогулку, чтобы при свете дня без помех определить, с чем имеет дело — а там уже определить наилучший план действий.

Оказалось, не зря.

Когда Гарбо говорил, что Стервятник превратил свое убежище в крепость, киммериец пропустил его слова мимо ушей. Не раз и не два доводилось ему уже слышать подобные речи, но на поверку всегда оказывалось что произносил их человек, совершенно несведущий в том, какое множество разнообразнейших способов существует, чтобы достичь цели. Зато Конан все эти способы знал отлично! Что всякий раз и демонстрировал изумленным компаньонам.

Однако на сей раз готов был спасовать и он. Потолкавшись по окруже битый день, он не сумел отыскать ни единой лазейки и теперь вполне понимал, почему Гарбо сам не взялся за дело, а пришел к нему на поклон.

Тусцелла построил свое жилище в небогатом торговом районе, носившем странное название Поясок. С этим была связана какая-то древняя городская легенда — но даже из местных жителей мало кто сумел бы припомнить ее с точностью. Однако название зацепилось... Улочки Пояска были узкие — едва-едва двум повозкам разминуться, — грязные и многолюдные. Народ толпился на рыночной площади, заманивали покупателей зазывалы в окрестных лавках... Но мало кто тратил деньги — больше шлялись, да глазели, щупали товар, да приговаривали возмущенно: «Эко цены-то ломят, собаки!..»

Конану это было на руку: лишний человек, даже такой приметной внешности, как у

него, в этакой толчее не слишком намозолит глаза соглядатаям... а в том, что их тут полно, сомневаться не приходилось. Тусцелла ведь был не просто бандитом, а главарем коршенских низов! Черным бароном... А это персона куда значительнее, в каком-то смысле, чем даже барон настоящий!

Итак, особняк Тусцеллы высился среди этих небогатых домишек, лавочонок, торговых палаток, словно настоящий княжеский дворец. Выделялся не высотой — ибо было в нем всего три этажа, не более, чем в окрестных строениях, — и даже не богатством... разве что стоял на земле прочнее и основательнее соседских развалюх, которые, казалось, ветер дунет — и улетят... Но, окруженный высоким; в полтора человеческих роста, каменным забором, дом этот взирал на мир столь свирепо, так угрюмо смотрели с его серой физиономии крохотные черные окошки-бойницы, что всякий прохожий невольно ежился, торопясь ускорить шаг, дабы быстрее миновать неприятное место — и еще долго не оставляло его впечатление, будто кто-то недобрый, очень недобрый взглядом пялится ему в спину.

Конан, разумеется, был не из пугливых, и, незаметно, но цепко обозрев жилище Стервятника, отметил про себя лишь то, что пробраться туда будет весьма непросто.

По счастью, на улице Кинжалщиков, куда выходили главные ворота дома, ютилось немало оружейных лавок, и заходя то в одну, то в другую, ожидая, пока ему поправят снаряжение или навострят меч, киммериец без помех смог довольно долго наблюдать за особняком. Увиденное ему совершенно не понравилось.

Гостей было мало — разве что к вечеру явились один за другим человек пять или шесть — скорее всего, принесли дань главарю младшие подельщики; всех их ждал один и тот же суровый прием. Двое стражников — выходили на улицу, причем ворота за ними тщательно запирались изнутри; новоприбывших тщательно обыскивали, оружие свое они оставляли в особой корзине в караулке — и лишь после этого, в сопровождении двух других охранников их препровождали к дому. Причем таков был ритуал не только для посторонних, но даже и для близких приятелей и постоянных гостей: подслушанные обрывки разговоров убедили в этом киммерийца.

Сколько охраны могло быть в особняке? Наверняка сказать невозможно, но если Конан хоть что-то смыслил в своем деле, то — не меньше человек тридцати — тридцати пяти. Это он смог определить, когда торговцы подвезли в середине дня продукты и вино. Их, кстати, тоже не пустили даже во двор — слуги разгрузили повозки прямо перед воротами, расплатились, а уж затем сами втащили все в дом.

Наблюдая за всем этим, Конан хмурился все сильнее, но вера его в собственные силы, ловкость и удачу была так велика, что он и на мгновение не допускал мысли о том, что не сумеет исполнить задуманное. Должен, непременно должен сыскаться способ проникнуть внутрь!

Не желая больше мелькать на улице Кинжалщиков, он неспешно обошел квартал кругом, по соседним улочкам, чтобы посмотреть, куда выходит особняк Тусцеллы другими своими сторонами.

...Большой частью там положение представлялось совершенно удручающим. За глухой стеной — ни ворот, ни калитки! — то и дело слышались голоса охранников, — да и не станешь же карабкаться наверх на глазах у всей улицы! И лишь одно место показалось сущим некоторые возможности.

Здесь, как видно, прежде стояли какие-то лачуги, примыкавшие почти к дому Тусцеллы, но совсем недавно их снесли: площадь была сплошь в обломках и строительном мусоре.

Должно быть, столь явное соседство нищеты оскорбляло «черного барона». Если повезет, и ночь будет безлунная, то можно попытаться вскарабкаться здесь на проклятую стену!

...Наступления темноты Конан дождался в уютной таверне, подальше от Пояска, ибо совершенно справедливо подозревал, что в том квартале обо всех подозрительных чужаках Тусцелле становится известно в тот же день, а он и без того немало рисковал, шатаясь там с утра и до сумерек.

В меру подкрепившись вином и отменным жарким и прихватив с собой немного хлеба и сыра — кто знает, сколько еще придется караулить! — киммериец вернулся к особняку.

Луна не подвела: ибо давно известно, что она — верная возлюбленная Бела, бога воров, и потому особо благоволит к его служителям. Стыдливо прячась за тучами, она даровала киммерийцу спасительную тьму.

Двигаясь почти на ощупь, северянин без особого труда отыскал намеченное место.

Для человека непривычного вскарабкаться на эту стену могло бы показаться делом безнадежным: гладкая, точно мраморная, она не предлагала ни малейшей зацепки. Но варвару, сызмальства привыкшему лазать по скалам, взобраться наверх было не так уж сложно — тем более, для этого у него имелись особые приспособления для сапог и для рук, изготовленные в строжайшей тайне одним огирским искусствником.

На стене, правда, Конана поджидал неприятный сюрприз — заточенные лезвия, торчащие из камня, словно гребень какого-то злобного дракона... но киммериец был готов к чему-то похожему, а потому лишь едва оцарапал ладонь, умело примостившись среди востряющих ножей. Он уже собирался спрыгнуть вниз...

Глухое рычание предупредило его.

Напрягая глаза в кромешной тьме, киммериец с трудом разглядел три неслышно скользящие тени. Мастафы!

Проклятье!

Не питая особых надежд на успех, северянин достал из кармана кусок сыра и бросил вниз. Одна из собак подошла ближе, понюхала — но, как он и опасался, даже не прикоснулась к еде. Этих тварей тренировали особым образом для защиты жилища и хозяина, такой глупой ошибки, как принять пищу у незнакомца, они не допустят никогда!

А собаки, тем временем, всерьез заинтересовались незваным гостем. Медленно сужая круг, три твари с горящими глазами подступали все ближе к стене, где затаился киммериец. Тот пытался слиться с камнем, не дышать и не шевелиться — но ветер донес его запах до проклятых убийц.

Сперва одна псина, затем и остальные подняли морды и угрожающе зарычали. Если он не уберется немедленно — они примутся лаять. На шум сбежится страж... и пусть быстроногого северянина им не догнать, но охранники встревожатся, Тусцелла будет настороже — а этого допускать нельзя! Лучше было по-быстрому ретироваться...

Однако уже в последний миг, подняв голову, Конан обнаружил в окнах особняка нечто, заставившее его пренебречь опасностью и задержаться на несколько лишних мгновений. Прикованный к открывшемуся зрелищу, он даже позабыл о ворчащих под стеной мастафах...

Прямо напротив него оказались окна спальни самого Тусцеллы. И хотя окошки были крохотные — в них не протиснусь бы и ребенок, — да еще забраные плотным свинцовым переплетом, но киммериец ясно разглядел самого хозяина особняка.

Тощий, как жердь, с длинными рыжими волосами, заплетенными сзади в косу, Тусцелла сидел на краю огромной кровати, держа в руках странную уродливую статуэтку. Глиняную,

насколько мог разглядеть острый взор северянина, размером где-то в три ладони.

Стервятник то крутил ее в руках, то встряхивал и подносил к уху, то поглаживал... при этом губы его шевелились, словно Тусцелла разговаривал с кем-то — хотя в комнате, кроме него, не было ни души. Судя по его довольному, почти блаженному лицу, косальский божок не обещал своему господину никаких' опасностей в обозримом будущем...

У изголовья постели стоял большой окованный железом сундук с приоткрытой крышкой. Не было сомнений, что свое сокровище Тусцелла держал именно там.

Неслышино спрыгнув со стены, Конан вознес молчаливую хвалу Белу. Насколько то было в его силах, бог воров нынче все же сумел помочь своему верному слуге!

* * *

Обидно было бы завершить этот день так просто — завалившись спать. Спустившись по улице Кинжалщиков к рыночной площади, Конан обнаружил там сияющую всеми огнями таверну — судя по гомону голосов, доносившемуся изнутри, это было веселое местечко, как раз то, что и требовалось сейчас киммерийцу. Распахнув скрипящую дверь, он шагнул внутрь.

Питейное заведение ничем не отличалось от тысяч других: две улыбчивые девицы сноровисто разносили кувшины с вином, за сдвинутыми столами в центре гуляла шумная компания торговцев, справа нестройно орали разухабистую песенку трое наемников, за столом у левой стены шла оживленная игра в кости... Огляделвшись с порога, северянин решил пока присесть в одиночестве — а там, глядишь, и компания появится, и можно будет неплохо закончить вечер, хоть за игрой, хоть с добрыми собутыльниками, хоть со говорчивой девицей... но внезапно переменил свои планы, завидев знакомое лицо.

Уверенным шагом он подошел к столу слева от пышущего жаром очага, где сидел одинокий гость; не спрашивая разрешения, уселся напротив, затем махнул хозяину таверны рукой, чтобы тот принес вина. И лишь после этого повернулся, в упор уставившись на ту, кого совсем не ожидал здесь увидеть.

— Привет, Палома. Развлекаешься?

Наемница, по своему обыкновению, была в мужской одежде, снежно-белые волосы убранны под капюшон дорожного плаща, но если кого-то она и сумела бы обмануть таким маскарадом, то только не Конана. Ее глаза на миг распахнулись в удивлении, но тут же лицо приняло привычно отстраненное, чуть насмешливое выражение.

— А, и ты здесь?

— Только не говори, что ты тут случайно оказалась. Далековато все же от дворца Месьора...

Чистая правда. Особняк Грациана стоял на другом берегу реки.

Палома разверла руками. Тут как раз подоспела прислуга с вином, и Конан наполнил их бокалы. Молча оба выпили. Северянин не сводил с девушки тяжелого взгляда синих глаз, и та, видимо, поняла наконец, что отмолчаться не удастся.

— За мной один должок остался. — Она говорила очень тихо, так что в гомоне таверны Конану приходилось напрягать слух, чтобы расслышать. — Когда я попросила Гарбо мне помочь в том деле, с убийством Скавро, — он пожаловался, что у него есть враг, с которым ему никак не справиться. Я обещала отплатить услугой за услугу.

— Тусцелла?

— Верно. А ты откуда знаешь?

Конан уже открыл было рот, чтобы поведать всю историю... как вдруг осознал, в каком щекотливом положении оказался. Грациан говорил, что не хочет вмешивать Палому в это дело, — по каким-то своим таинственным соображениям. Теперь же выходило, что киммериец предает его доверие.

Вот незадача! С другой стороны, и обманывать Палому он тоже не мог...

— Слухами земля полнится, — туманно ответил он. — Так значит, Гарбо тебя попросил помочь?

Наемница мотнула головой, при этом чуть не слетел с головы капюшон, и она быстрым сторожким взглядом окинула зал — не заметил ли кто. Но гуляки были слишком заняты, чтобы обращать внимание на переодетую в парня девицу.

— Нет, пока он ни о чем не просил. Но я не люблю быть в долгу — особенно перед такими, как Гарбо. Так что решила пока осторожненько разнюхать что и как... на всякий случай.

Вот это уже интересно!

— И что разнюхала?

— Да так... — Палома поморщилась. — Скверный он тип, этот Стервятник. Начинал как обычный шулер. Играли по-крупному. Затем сделался наемным убийцей. Поднялся на этом, стал других нанимать, чтобы самому рук не морить. Убрал с дороги двоих прежних «черных баронов» — занял их место. Теперь ни он сам, ни его приближенные практически ни в каких темных делах не участвуют, но под рукой Тусцеллы почти весь Левый берег. У него здесь куплена стражка, судьи... Все, кто хочет чем-то заниматься в этой части города, от честных торговцев, до последних нищих, все несут ему дань.

— А Гарбо, стало быть, метит на его место?

— Похоже на то.

— Ну а какой тебе смысл помогать одному против другого?

Вместо ответа Палома осушила до дна свой бокал, затем налила еще вина.

— «Черные бароны» всегда были и будут. А перед Гарбо я в долгу. Поэтому вопросов кто хороший, а кто плохой я не задаю. Просто делаю то, что считаю своим долгом.

Такую логику киммериец мог понять. Хотя, зная Палому, мог бы поручиться, что за этим кроется и кое-что еще.

— Помнится, были разговоры, что Тусцелла как-то связан с Орденом Кречета? И будто Скавро перед смертью вел с ним какие-то переговоры?..

— И это тоже. Хотя, в общем-то, эта история меня уже не касается, но... Не люблю нерешенных загадок.

Жесткое лицо киммерийца озарилось довольной ухмылкой, он приветственно поднял свой кубок.

— За тебя, девочка. Кром свидетель, будь ты мужчиной, я бы сказал, что ты — лучший брат по оружию, какого только можно пожелать!

Наемница оскалилась в ответ.

— А девица, стало быть, недостойна такой чести? По-прежнему считаешь, будто женщины годятся лишь на то, чтобы согревать постель настоящему воину, да варить ему похлебку? И перевязывать раны, когда он явится домой после Настоящих Мужских Дел?!

По всему видно, такое отношение ранило ее. Конан, протянув могучую длань, потрапал

ее по плечу, при этом хрупкая фигурка почти пригнулась к столу.

— Не обижайся, и дело не в этом. Просто женщины... Видишь ли, мой опыт показывает, что даже когда они говорят о долге, о чести... все равно у них свои соображения идут вперед, они как-то по-своему понимают все эти вещи. Не так, как мы, мужчины. Это не в укор... Но не родилась еще та женщина, которой я готов был бы довериться без оглядки. Такими уж, видно, вас создали боги...

На несколько мгновений Палома задумалась, сдвинула брови — затем покачала головой.

— Сколько мы знакомы с тобой, северянин, столько ты не устаешь меня поражать. Скажу одно — горе тем, кто вздумает недооценивать тебя! Ты не только силой и отвагой превосходишь всех, кого я знаю, но и... Не мудростью, пожалуй, нет, но — у тебя особый взгляд на вещи. Ты смотришь как будто в самую суть; минутя всякое притворство, все наносное, что обычно отвлекает взор. Честно говоря, порой это даже пугает...

Ее слова смущили Конана. Нечасто доводилось слышать подобное — тем паче от женщины.

— Ну, тебе-то со мной нечего бояться!

— Да, и ты не раз это доказывал, хотя мы и знакомы-то всего ничего. Так может, сыграешь на моей стороне и в эту игру?

— Что ты задумала?

— Видишь ли, насколько я могла узнать, подобраться к этому Тусцелле очень непросто. Живет он взаперти, из дома никогда не выходит — боится. Окружил себя целой армией...

Конан едва сдержался, чтобы не сказать, что уже знает все это, но решил смолчать. Если он поможет Паломе, то убьет разом двух зайцев: и за этой сорвиголовой присмотрит, чтобы не натворила чего, и поручение Грациана исполнит. Тем более, что у этой хитрой лисы, похоже, имеется какой-то план.

— Что ты задумала?

— Очень просто. Силой вломиться к Тусцелле не получится — значит, пойдем на хитрость. Я хотела притвориться, будто только приехала в город. Гадалка, допустим, или там, нищенка... придумаю. И пришла к нему на поклон, чтобы разрешил работать в его квартале. Это нормально, такой установленный порядок. Здешний хозяин, в этой тавerne, замолвит стражникам словцо, чтобы меня допустили к Стервятнику, — мы с ним уже столковались. Но, если честно... я побаивалась.

Еще бы! Девице, одной, сунуться в это змеиное гнездо! Дань-то с нее, конечно, возьмут — только не деньгами... да еще хорошо, если, вообще, живой выпустят.

— А другого способа нет?

Вместо ответа наемница выразительно повела плечами. Да, и в самом деле, а что еще придумать? К тому же, определенный смысл в этом безумном плане имелся: когда женщина приходит вдвоем с мужчиной, на нее уже смотрят совсем иначе. Тем более, если в роли защитника — такой исполин, как киммериец.

А для него это и вовсе единственный шанс!

— Ладно, — пробурчал он наконец. — Сам не пойму, как ты меня втянула в это, но... Когда ты думаешь все это провернуть?

— Завтра, к вечеру. Тавернику два золотых заплатим за услугу — чтобы предупредил о нас Тусцеллу. Вот так-то... — Она на мгновение задумалась. — Вот только кем бы нам называться...

На это у Конана уже был готов ответ.

— У тебя волосы белые, как у гиперборейцев. Так что будешь Сьюхиль, шаманка, гадалка. Тоже, кстати, защита неплохая — может, побоятся тронуть колдуны. А я — твой муж, Сигерд. Охраняю тебя, стало быть... — При этом северянин напустил на себя такое туповато-воинственное выражение, что Палома невольно покатилась со смеху.

— Ладно, пойдет. Значит, Сьюхиль и Сигерд. На том и порешили...

И хотя киммерийца не оставляло странное гнетущее чувство, будто они упустили что-то очень важное — он никак не мог облечь это ощущение в слова, а потому не стал ничего и говорить.

Что толку тревожиться понапрасну?!

* * *

Назавтра в полдень, воспользовавшись отсутствием Паломы, которая отправилась за экипировкой для их вечернего маскарада, Конан передал через Меттерианора, что хотел бы повидаться с Грацианом. Вскоре карлик уже вводил киммерийца в покой Месьора.

Здесь, как всегда, царил полумрак и горел камин — калека в последнее время все чаще жаловался, что страдает от резкого солнечного света и зябнет даже в самую сильную жару.

Выглядит он, и впрямь, не лучшим образом, отметил про себя Конан, вглядываясь, словно впервые, в лицо своего давнего приятеля. Лицо бледное, аж серое, одутловатое, глаза утомленные, покрасневшие, словно от бессонницы. Вокруг губ залегла глубокая складка... Сейчас Месьору никто не дал бы его возраста — а ведь он был всего лет на шесть или семь старше киммерийца; скорее, он походил на человека, чья жизнь безвозвратно миновала свой зенит и клонится к закату.

— Я нашупал кое-какие подходы к Тусцелле, — без предисловий начал Конан, усаживаясь напротив Грациана. — Сегодня хотел бы попробовать к нему подобраться.

Он ожидал Вопросов, готовился ответить так, чтобы не раскрыть участие в деле Паломы — но это не понадобилось. Месьор смотрел сквозь киммерийца, без всякого интереса выслушав его слова. Помолчал. Затем небрежно махнул рукой, мол, ну и ладно, пустое... Конан даже разозлился — с какой стати, собственно?! Он тут себе кишки рвет, каштаны из огня таскает, причем не для себя, а по просьбе самого же Грациана... а тот глядит с такой скучой, что и не передать... Однако сдержался. Все же привык щадить увечного друга.

Месьор все же соизволил подать голос. Глухо, точно через силу, заговорил:

— У нас тоже все готово. Она... приманка... сегодня будет на месте. Если все пойдет по плану, Тусцелла будет у нее уже завтра. Самое позднее — послезавтра. Я скажу тебе точно, когда надо будет выкрасть статуэтку. Без команды не начинай. Лучше вообще ничего не сделать, чем спугнуть Стервятника до времени. Приманку нельзя ставить под угрозу!

— Ясно. — Конан кивнул. Хотя, по правде, ничего ему ясно не было. И вообще, в более беспорядочном, скверно организованном деле ему еще не доводилось участвовать. Подумав, он так напрямую и заявил Грациану.

— Можешь отказаться, — только и ответил тот, чем вызвал яростный гнев киммерийца.

Кром! Что за ерунда творится?! Что такое с Грацианом, в конце концов? Никогда он еще его таким не видел! Если бы не Палома, которая все равно полезет на рожон, он точно отказался бы, плонул на все — и расхлебывайте вашу затею, как хотите! Но белобрысая наемница без него точно пропадет, а отговорить ее идти к Тусцелле он не сможет. Так что,

демон с ними, придется продолжать!

И вдруг, словно прочитав мысли киммерийца, Грациан спросил:

— Кстати, Палому ты давно не видел? Она, как вы вернулись из Бельверуса, здесь так и не появлялась...

Было видно, что вопрос этот стоил калеке определенных усилий. Впрочем, Конан уже давно отчаялся понять, что за отношения связывали этих двоих. Месьор при упоминании имени наемницы каменел лицом, или как-то не по-доброму кривился; Палома, вообще, объявила Грациана запретной темой для разговоров... Про себя северянин решил, что если бы хоть одна женщина осмелилась так трепать ему нервы, он бы — Кром свидетель! — придушил ее собственными руками.

Но пока следовало ответить на вопрос так, чтобы Месьор не заподозрил неладного. С деланным безразличием киммериец отозвался:

— Вчера столкнулись случайно в одном кабаке. Вина выпили. Что-нибудь передать ей, если увижу?

Грациан пожал плечами.

— Да нет, к чему? Сама найдется. Тогда зачем спрашивал?

Неожиданно для себя, Конан решил, что уже порядком подзадержался в Коршене. Как-то скучновато здесь стало. И душно... Пожалуй, закончит эту историю с Тусцеллой, да и отправится дальше бродяжить. Может, стоит на юг податься — давно он уже туда собирался!..

Они еще немного поболтали с Грацианом... так, ни о чем. О Немедии, о настроениях в Коршене, о тренировках для кровников, которые проводил киммериец. И все это время северянина не оставляло чувство, будто приятеля что-то гнетет, какая-то мысль или тревога, которой он никак не решается поделиться... Будучи человеком прямым, превыше всего не терпящим недомолвок и всяческих уверток, Конан наконец не выдержал:

— Слушай, парень, ты либо выложишь начистоту, в чем дело, либо давай мы попрощаемся! Когда я только приехал в Коршен — я помню, все по-другому было! Мне тогда, правда, казалось, что я тебе могу помочь... Что я здесь нужен. Но ты темнишь, скрываешь что-то... Мне это без надобности. Видит Кром! Если тебе наша дружба в тягость — я никому не навязывался, и впредь не собираюсь! По мне, так между друзьями может быть или полная честность и доверие — или пусть каждый идет своей дорогой! Вот так-то. А вытягивать из тебя клещами — ну уж, уволь!

Грациан побледнел, дернулся, точно от удара. Лицо исказилось, словно в душе его шла какая-то борьба, и Конан понял, что попал в точку. Коршенец что-то скрывал от него. Ему это было неприятно, мучительно — и все же он не был честен. Но теперь пришло время решительного испытания. Либо он будет вести себя, как подобает мужчине, либо... их дружбе придет конец.

И, судя по всему, Грациан все для себя решил.

— Конан, ты помнишь, я говорил недавно, что не встречал человека, более достойного и верного слову, чем ты. Это не пустые слова. И в этом я уступаю тебе. Я недостоин нашей дружбы. Все, на что хватит моих понятий о достоинстве — это сказать тебе об этом напрямую. Обманывать тебя, использовать вслепую, пользуясь твоим благородством — это низко даже для меня. Но, видит Небо, как бы я ни хотел, я не в силах рассказать тебе всей правды. Я связан клятвой, которую дал одному человеку, долгом перед другим, и еще... одной давней-давней ложью, раскрыть которую не имею права никому в подлунном мире. Хочешь

верь, хочешь нет, но это мучает меня. С тобой, как ни с кем другим, мне хотелось бы быть честным. И мне жаль, что это невозможно. Таков мой рок. Во имя того, что мне не дорого совершенно, я вынужден отказаться от истинного сокровища — нашей дружбы. И тем не менее, изменить что-либо я бессилен.

Коршенец опустил голову. Конан смотрел прямо на него, не отводя взгляда. И наконец проговорил:

— Власть портит людей. Ты хочешь что-то получить — но это невозможно без того, чтобы использовать тех, кто тебе предан. Впрочем, не знаю, как бы сам повел себя на твоем месте.

Хвала Крому, на своем месте я, по крайней мере, точно знаю, что должен делать. Я покончу с Тусцеллой — потом мы рас прощаемся. Пусть каждый идет своей дорогой. Но учти. Отныне я не считаю, что чем-то обязан тебе. Я буду действовать так, как считаю нужным. Грациан кивнул.

— Да, и будешь прав. Так лучше всего. Это скверный город. Он портит даже лучших из нас. Уезжай, пока эта трясина не затянула и тебя тоже — иначе я себе этого никогда не прошу!

Неожиданно киммериец засмеялся:

— Вот это верно! Одно могу сказать наверняка: у вас в Коршене я больше времени провел за пустой болтовней, чем за всю прошлую жизнь! Будь прокляты все эти ваши интриги! Мне не терпится оказаться на свежем воздухе и вволю помахать мечом. Честная сталь куда лучше лживых языков!

Его собеседник чуть заметно усмехнулся.

— Я отдал бы все, что имею, чтобы последовать за тобой. — Он похлопал себя по мертвым ногам. — Но в жизни есть нечто сильнее нас самих. Да позволит Небо тебе никогда этого не испытать, киммериец!

* * *

В логово Тусцеллы им удалось попасть без особого труда — только двое стражников, с опаской косясь на здоровенного киммерийца, обыскали его в воротах, заставив выложить меч и оба кинжала в подставленную ивовую корзину.

Палому тоже попытались ощупать — скорее позабавиться, чем в поисках оружия, но она так свирепо зыркнула на них, прибавив при этом витиеватую фразу на загадочном диалекте, должно, видимо, изображать гиперборейский язык, что подручные Стервятника тут же убрали лапы.

Их можно было понять: выглядела наемница впечатляюще. Конан понятия не имел, где она ухитрилась раздобыть подобные тряпки, но за всю свою жизнь более правдоподобной ведьмы ему видеть не доводилось. На Паломе было надето не меньше пяти пестрых юбок, все рваные, обвешанные какими-то амулетами и веревками; из-под пестрого, расшитого бисером жилета виднелась ярко-красная рубаха навыпуск, скрепленная у горла застежкой в форме змеи, поверх этого великолепия красовались аж две шали — одна плотная, разноцветная, с затейливой вышивкой, другая — потоньше, желтая, прикрывавшая еще и голову. Волосы она оставила распущенными, зато вплела в них какие-то перья, бусины, связала шнурками и нитками.

В кошеле на поясе что-то скрежетало, в кармане внутри рукава лежали игральные кости и какие-то скляночки...

Озирая все это безумие, Конан смог выдавить только:

— Не чересчур?

На что Палома пренебрежительно махнула рукой, мол, в самый раз. Ну что же, ей виднее —

Что касается киммерийца, то ему повезло больше: наемница заставила его обрядиться в меховую безрукавку, да в короткие меховые же штаны. Сапоги северянину удалось отстоять лишь с большим трудом — а не то пришлось бы влезть в какие-то колодки, больше всего напоминавшие по форме козы копыта.

На его попытку заметить, что никаким гиперборейцам — как бы сильно он ни ненавидел все это отродье! — не придет в голову обрядиться в такое тряпье, Палома лишь закатила глаза.

— Вот когда нам надо будет, чтобы твои братья-северяне нас приняли за своих — тогда, пожалуйста, ты будешь командовать, как одеваться. Но сейчас нам надо обмануть коринфийцев. Людей, которые гиперборейцев в глаза не видели. Так что будь любезен, не учи меня!..

Вместо ответа киммериец лишь пожал широченными плечами. С наемницей, когда она в таком «вздернутом» настроении, спорить не хотелось.

...И вот Сьюхиль и Сигерд оказались во владениях Стервятника.

Дом изнутри оказался именно таким, как и ожидал Конан: уж он-то неплохо знал все это воровское отродье и вкусы их изучил на славу. Богатство было напоказ, из кожи вон лезло, чтобы не остаться незамеченным. Мраморные полы, малахитом отделанные стены. Красное дерево, самшит. И золото, золото, золото... Стараясь вести себя как заправский дикарь, киммериец без стеснения пялился по сторонам, изображая восторг и изумление, — сам тем временем старательно примечая расположение комнат, помещения для стражи, возможные пути отхода.

Покой Тусцеллы оказались на втором этаже. В просторном зале на возвышении стояло кресло, почти трон, заваленное шкурами хищников. Шкуры валялись и на помосте, и рядом — львиные, тигриные, волчьи, леопардовые... Со стен скалились головы зверей, там же было развешано оружие — сабли, мечи, ятаганы...

Помимо «черного барона», в зале оказалось еще три человека — как видно, приближенные. Двое стражников, сопровождавшие гостей, застыли в дверях. Конан и Палома поклонились человеку на троне.

Вблизи Тусцелла показался еще более тощим, чем тогда, через окно; огненно-рыжие волосы и худосочная комплекция делали его похожим на живой факел. Волосы, впрочем, начали уже редеть и на висках сделались грязно-песочного цвета — ведь главарю бандитов было уже хорошо за сорок. Кожа, молочно-бледная, как у большинства рыжих, с возрастом загрубела, рубцы давних шрамов выделялись на лице уродливыми сизыми пятнами. Бледно-серые глаза смотрели вроде бы рассеянно, но одновременно ничего не упуская, и взгляд их был так по-змеиному неприятен, что даже Конан ощутил скверный холодок. Не зря этого парня прозвали Стервятником, понял он: как есть, падальщик, который только и ждет своего часа, чтобы добить жертву

Как они и договаривались с Паломой, первой заговорила она. Конан, вообще, должен был подавать голос лишь в крайних случаях, разыгрывая роль туповатого мужа-охранника,

который и по-коринфийски говорит-то с трудом.

— Почтенный господин, — с сильным северным акцентом начала наемница. Акцент, с удивлением отметил киммериец, был вполне правдоподобный. И когда только научилась?! — Мы — новички в вашем славном городе, но хотели бы остаться здесь навсегда. Однако нам ведомы законы, и мы хотим сделать все так, как принято в этой стране. Вот почему мы здесь, явились на поклон к человеку, которого называют самым могущественным в Коршене...

Так она продолжала еще довольно долго, безудержно льстя Тусцелле и его присным, которые слушали все эти славословия молча, не сводя с пришельцев глаз, так что под конец даже Палома занервничала под их свинцовыми взглядами.

Наконец один из подельщиков Стервятника перебил ее:

— Ты можешь прямо сказать, коза — чего тебе нужно-то?

Пренебрежительное обращение — ибо так называли воры только гуляющих девок — явно взбесило Палому, но выказывать гнев было слишком опасно. Со всевозможным смирением она ответствовала, что хотела бы получить право открыть палатку гадальщицы на рыночной площади в квартале Поясок — и готова заплатить за эту честь положенную мзду.

— Готова, значит? — Тусцелла оживился впервые с начала разговора. — И сколько же ты готова заплатить?

— Два золотых сейчас, а потом по одному — каждую седмицу. — Расценки «барона» Палома знала хорошо и нарочно предложила чуть меньше, чтобы иметь возможность поторговаться.

— Пять золотых — сейчас. И по два — потом.

— Три сейчас. Потом — по полтора.

— Хм. Ну, пойдет. — Конан еще успел подумать, что что-то уж сильно легко уступил Стервятнику... как вдруг последовал новый вопрос. — Ну, а этот, муж твой, он сколько будет платить?

С деланным возмущением, «гадалка» вскинула руки, звеня браслетами.

— А ему-то с чего, помилуй меня Лухи! Он просто при мне, охранник...

— Охранник, говоришь?! — Тусцелла внезапно вскочил, спрыгнул со своего возвышения и, подбежав к Паломе, схватил ее за волосы.

— Отпусти! — взвизгнула та. — Я тебе не девица для развлечений! Слыхал когда-нибудь про Ордел Белой Руки? Или желаешь испытать на себе гнев великой Лухи??!

— Да я плевать хотел на всех богов и ведьм! Имел я их всех — как тебя отымею! — Ничуть не испугавшись угрозы, разбойник принял грубо лапать девушку.

Конан с рычанием метнулся было к наемнице — но в тот же миг острие меча уперлось ему в бок. Другое — в поясницу. Это по знаку главаря поспешила на помощь его стража.

— И где он тебя охраняет, а, красотка? — Стервятник залился каркающим смехом. — В постели, небось? Но мы тебе предложим кое-чего получше, верно, парни?

Подельщики «барона» дружно загоготали. Посыпались сальные шуточки.

— Золотом мы с твоего дружка возьмем — за право дышать в нашем славном Коршене! А с девок мы берем не деньгами. С девок мы берем другим!..

Проклятье!

Не тратя времени на раздумья, Конан пнул одного из охранников в голень, чувствуя, как хрустнула кость под ударом — одновременно уходя вниз от меча. Развернулся, тут же налетев на второго, схватил за руку, выкручивая, чтобы отобрать оружие. Тот успел отшвырнуть меч далеко в сторону. Тогда киммериец наградил его мощным ударом в челюсть — и бандит

грохнулся на мраморный пол.

Тусцелла заорал, призывая на помощь. Одновременно его подельщики ринулись в атаку. Двое, обнажив мечи, — на северянина, третий — к Стервятнику, который отчаянно пытался скрутить Палому. Та не давалась, извивалась, кусалась и брыкалась, изо всех сил пытаясь высвободиться, чтобы достать спрятанное в складках одежды оружие.

С отчаянным боевым воплем Конан ринулся на помощь.

С воем и грохотом в комнату ворвался еще десяток человек. Последовала ожесточенная, беспорядочная схватка.

Киммериец успел добежать до стены, сорвал висевший там ятаган — увы, клинок оказался незаточен. Но даже так, орудуя им, как дубиной, воин ухитрился повергнуть и обратить в бегство человек пять стражников, вооруженных кривыми мечами.

Он использовал любые укрытия, метался из стороны в сторону, заставляя этих ублюдков сталкиваться, налетая друг на друга, швыряя в них креслами, на одного набросил тигриную шкуру — и ослепленный, охранник ранил своего же приятеля.

Безоружный, киммериец нагнал такого страха на нападавших, что те отступили — и он готов был торжествовать победу, как вдруг...

Истошный крик Паломы заставил его обернуться. Тусцелла и трое его подручных сумели все же одолеть наемницу. Стервятник приставил ей нож к горлу и полоснул — не сильно, но кровь хлынула ручьем.

Северянин замешкался всего на мгновение — но это мгновение оказалось роковым.

Чудовищной силы удар обрушился на него сзади. Перед глазами как будто взорвалось черное облако, выпустив сноп жалящих огненных искр...

И мир померк.

* * *

Он очнулся от боли — кто-то, заломив ему руки за спину, накрепко связывал их ремнем. Ноги уже были обездвижены. Преодолев первый порыв — попытаться освободиться любой ценой — киммериец заставил себя сдержаться. Со связанными руками и ногами много не навоюешь! Но раз уж его пока — непонятно почему — оставили в живых, лучше притвориться, что он пока не пришел в себя и послушать, о чем будут болтать враги.

Сперва до него доносилась только бессвязная ругань и стоны: это приходили в себя поверженные им охранники. Кто-то изо всех сил пнул его под ребра. Потом еще раз. Киммериец глухо застонал, не открывая глаз.

— Вот ублюдок! — Это подал голос Тусцелла. — Магрин, скольких он положил?

— Трое, боюсь, уже не поднимутся. К остальным придется лекаря звать.

— Этих троих прирежьте, если еще живы. — Жалость Стервятнику была не свойственна. — Девку связали?

— Готово, — отозвался другой. — Господин, а этого северянина-то зачем в живых оставили? Дайте я его...

Шаги приблизились. Кто-то нагнулся над ним, и Конан ощутил ледяной укус стали на горле. Но Тусцелла остановил дружка:

— Погоди. У меня есть мысль получше. — Раздался отвратительный хохот. — Пусть в себя придет — полюбуется, как мы с его женушкой развлекаемся! А потом уж...

— Ублюдки, вы не посмеете! — Это закричала Палома.

Судя по всему, наемница была не на шутку испугана, и Конан ощутил дикую, бессильную ярость.

Это же надо было так попасться! Когда они придумывали этот план, им и в голову не могло прийти, что все обернется таким образом... Оба исходили из того, что Стервятник соблюдает воровские законы, равно принятые что в Коринфии, что в Заморе, что повсюду в Хайбории. Законы эти гласили, что человек, который пришел искать покровительства «черного барона», пользуется неприкосновенностью до тех пор, пока готов платить. Вот с несостоятельным должником разговор иной, там возможно всякое... Но чтобы вот так — наброситься на женщину, которая гостьей пришла в дом... это было просто неслыхано!

В Шадизаре или Аренджуне за такие выходки общий воровской сход навсегда лишил бы «барона» власти, обязал бы заплатить пострадавшей огромную виру, а мог бы, вообще, изгнать из города!

Но, похоже, обнаглевший от безнаказанности Тусцелла и впрямь решил, что ему никакие законы не писаны и он волен творить все, что пожелает... Ублюдок!

Конан незаметно подергал руками, пытаясь ослабить узлы, стянувшие запястья. Кожаный ремень чуть поддался — но чтобы развязать его, пришлось бы здорово потрудиться, а это неминуемо заметят. Что же делать?!

Подать голос? Пригрозить местью Грациана? Это был последний шанс, и очень слабый.

Даже если из страха перед Месьором Тусцелла оставит их в живых — все равно, это будет сокрушительное поражение. Все планы полетят к демонам. Да и вопрос еще, испугается ли Стервятник?

Может, Палома что-то придумает? Чуть разлепив веки, киммериец отыскал глазами свою спутницу — и сердце его упало. Девушка лежала на полу, связанная по рукам и ногам, совершенно беспомощная. Тусцелла приблизился к ней, сел на корточки, уцепил хватками пальцами за подбородок.

— Ну что, козочка, ты же сама сказала, что готова заплатить. Вот и заплатишь. Сперва мне — а потом и моим ребятам. Они же пострадали, бедняги, вон их как твой дружок сделал, так что заслужили немного радости в жизни! Что скажешь?

Вместо ответа, наемница плонула вору в лицо. Тот с проклятиями отскочил, с силой пнув ее ногой в живот. Палома застонала.

— Вот ты как? Ну, пожалеешь! Не хотела по добру...

Позабыв об осторожности и здравом смысле, Конан вскинул голову, чтобы заорать — что угодно, лишь бы отвлечь этих недоносков от девушки, перевести их внимание на себя... Но тут в дверях неожиданно послышался шум. Кто-то вбежал в комнату, задыхаясь от быстрого бега.

— Тусцелла! Тусцелла, послушай!

— Ну, что еще? — Недовольный, тот обернулся в сторону новоприбывшего. Конан попытался извернуться, чтобы разглядеть его, но, увы, он лежал спиной к двери, а потому мог видеть лишь главаря. Тот, судя по всему, был изумлен тем, что видел.

— Ты зачем сюда явился? Я же ясно велел тебе — никогда тут и носа не показывать! Или ты хочешь, чтобы Гарбо узнал, что ты на меня работаешь? Жить надоело?!

Предатель?! Киммериец подавился ругательством. Только этого еще не хватало! Ну, теперь они точно пропали... А тот затараторил:

— Господин Тусцелла, я не виноват! Но это очень важно! Я ни с кем не мог передать

такую весть!

— Говори.

— Там, на постоялом дворе у Хромого... Женщина...

— Женщина?! — Тусцелла был взбешен. — Да ты издеваешься надо мной? Какая еще женщина?!

— Выдает себя за аквилонку. Говорит, будто хочет продать какие-то драгоценности...

— Ну и что? — Тусцелла окончательно потерял терпение. — Я уже знаю про эту бабу, Хромой донес. Магрин вечером пойдет ее прощупать. И ты только ради этого явился? Да я тебя...

— Нет, нет, Тусцелла, погоди! Она никакая не аквилонка! Я слышал, Гарбо говорил... Это сама графиня Лигейя!

Наступило молчание. Очень долгое молчание.

— Г-графиня? Сама графиня Лигейя? — Уродливая физиономия «черного барона» вытянулась от изумления, и глаза сверкнули яростной алчностью. — Ты уверен? А Гарбо-то откуда узнал?

— Понятия не имею, господин. Я только подслушал, что он говорил с Барбом. Он точно сказал, что это она и есть!

— Клянусь Белом! Чтобы сама затворница-графиня выбралась из своего замка... Но зачем?

— Хромой говорил, она хочет продать какое-то ожерелье, — вступил в разговор Магрин. — Может, это правда, и ей зачем-то понадобились деньги? Тогда не удивительно, что она выдает себя за чужеземку — чтобы муженек не узнал...

— Хм-м. — Тусцелла надолго задумался, принял расхаживать взад и вперед. Свита почтительно застыла, ожидая решения главаря. — Вот что. Я должен быть уверен... Ладно! — Он рывком повернулся к своим подельщикам. — Магрин, Пардос! Возьмите еще человек десять и — к Хромому. Схватите бабу тепленькой — и сразу сюда. Тут уж я решу, что с ней делать!

Бандиты засуетились, принялись выкрикивать команды, собирать охранников. Кто-то окликнул Тусцеллу:

— Господин, а с этими-то двоими что делать? Может, прирезать по-быстрому?

Тусцелла размышлял несколько мгновений, которые киммерийцу показались вечностью.

— Нет, зачем, — хмыкнул он наконец. — Закончим с графиней — тогда уж займемся и этими. Девка подождет. Как вино — только слаще станет! Отправь их обоих вниз, на холодок. Пусть пока попрощаются... любовнички. А то когда еще на Серых Равнинах свидятся!..

* * *

...На лице пожилой женщины не было и тени страха. С того самого мгновения, как в ее комнату на постоялом дворе, грубо оттолкнув визжащую служанку, ворвались пятеро вооруженных до зубов головорезов, приказавшие немедленно отправляться с ними, графиня Лигейя замкнулась в себе, словно устрица в раковине, ничем не показывая, что, вообще, замечает происходящее. Безучастно она спустилась по лестнице, села в карету, которая уже поджидала у задних ворот, не промолвила ни слова, пока экипаж ехал по ночному Коршену

до самого особняка Тусцеллы, так же невозмутимо, будто наносила визит правителю соседней державы, вошла в дом. В комнате, где ее уже поджидал Стервятник со своими присными, она уверенно двинулась вперед, ни на миг не задержавшись в дверях, и уселась в кресло, прямая, застывшая, подобно статуе. Губы ее были скорбно сжаты; всем своим видом женщина показывала, что не намерена ни задавать вопросов, ни требовать объяснений, ни — пусть того — молить о пощаде.

Царственный вид ее подействовал даже на «черного барона». Слегка склонив рыжеволосую голову, он произнес, подражая дворцовым манерам:

— Рад приветствовать вас в моем скромном жилище, графиня. Будьте моей гостьей.
Лигейя молчала.

Бандиты выжидающие уставились на главаря: как видно, им не терпелось посмотреть, кто выйдет победителем из этого бескровного поединка; сам же Тусцелла чувствовал, как с каждым мгновением все больше теряет лицо. И от этого сделался дерзок.

— Ты — в моей власти, женщина! Советую запомнить это хорошенъко и вести себя полубезнее!

Графиня Лигейя смерила бандита взглядом, каким, должно быть, посмотрела бы на конюха, если бы тот осмелился явиться, весь в навозе, в ее вельможные покои.

Она по-прежнему хранила молчание.

Поняв, что таким образом ничего от пленницы не добьется, «черный барон» решил сменить тактику и обернулся к одному из своих подельщиков:

— Наша гостья, кажется, привезла какие-то камешки на продажу? Где они?

Пардос с поклоном подскочил к главарю, протягивая ему изумительной красоты ожерелье, которое обнаружили в вещах графини.

— Так-так... — Тусцелла впился взглядом в драгоценное украшение. У него даже пальцы затряслись, когда он понял, что за вещь попала к нему в руки. — Сет и Митра! Неужели это они — Триста Звезд?! Или я сплю?! — Как завороженный, он поднял ожерелье над головой, любуясь игрой света в огромных изумрудах и жемчужинах. — Г...графиня, в... вы принесли мне ц...целое состояние... — От волнения он даже принял заикаться.

Лигейя не сводила взора со Стервятника, и сейчас ее зеленые глаза горели, как смарагды ожерелья.

Не выдержав напряжения, Тусцелла подбежал к ней.

— Ну же, графиня! Что вы все молчите? О чем вы думаете? Жаль расставаться с камешками? *Он обернулся к своим приятелям.* — Эй, подайте нам вина! Пусть графиня выпьет — за наш успех!

Один из бандитов немедленно подбежал к главарю с кувшином и двумя бокалами, тот собственноручно наполнил кубок и протянул его женщине.

Та медленно подняла руку, приняла бокал — и так же медленно перевернула его, вылила на пол рубиновую жидкость. Тусцелла отскочил с ругательствами. Кто-то у него за спиной, не вы-. держав, захотел. Стервятник рывком обернулся.

— Заткнитесь, псы, а не то я вам вобью зубы в глотку!

Но кто-то другой все равно продолжал смеяться. Взгляд Тусцеллы заметался в поисках наглеца...

Смеялась графиня Лигейя.

Бандит оскалился.

— Рад, что вам так весело, моя дорогая. Не поделитесь ли, что вас так порадовало?

Они впервые услышали ее голос — суховатый, чуть надтреснутый голос пожилой, полной достоинства женщины:

— Я думаю о том, что сделает с тобой мой сын, когда узнает об этом!

— Твой сын?! — Тусцелла разразился хохотом. — Это который же? Святоша митрианец? Или этот слизняк Пронтий? Или...

Лигейя покачала головой.

— Мой сын, Тусцелла. И ты знаешь, о ком я говорю.

Рыжеволосый побледнел, отступая на шаг. С уверенностью, которой отнюдь не ощущал, возразил:

— Грациан ничего не сделает. Он не станет рисковать жизнью любимой матушки — а ты все же в наших руках, не забывай! И мы можем быть не так вежливы, как ты привыкла у себя во дворце!

Задумчиво, словно давая добрый совет, графиня отозвалась, сочувственно качая головой:

— Но ты не сможешь держать меня тут вечно. Меня видели слишком многие — похищение не удастся скрыть. Стоит Лаварро узнать — он сотрет твой притон с лица земли. Тебе не выстоять против всей коршэнской армии. А если надеешься прикрываться мною, как щитом... Напрасно. Лаварро с готовностью пожертвует мною — чтобы потом отомстить втройне за оскорбление. Никто не станет вести с тобой переговоры только ради спасения моей жизни!

— А вот тут вы ошибаетесь, графиня! — Тон Тусцеллы был исполнен злорадства. — Один человек на это пойдет. И с радостью. Потому что с моей помощью сможет наконец заставить графа Лаварро отречься от трона — в свою пользу! Со мной граф, может, и не стал бы торговаться, но вот дружку моему отказать никак не сможет! — Он вызывающе посмотрел на Лигейю. — Не верите, что это получится?

Несколько мгновений женщина словно взвешивала про себя сказанное — затем опустила голову.

— Так, значит, Грациан был прав... В семье, действительно, есть предатель! И кто же готов купить себе корону такой ценой?

— А вот это... — Тусцелла не скрывал торжества, — Вы узнаете в свое время, графиня!

— Зачем же тянуть? Будем считать, этим ожерельем я заплатила достаточно, чтобы узнать его имя...

Стервятник мерзко захихикал, оглянулся на своих товарищей.

— Ну что же, большой беды не будет, если я уже сейчас поведаю, кто будет нашим следующим правителем. Клянусь Небом, графиня, вы будете удивлены...

* * *

...Они очнулись в клетке. С трех сторон — сплошная каменная стена без окон, с четвертой — решетка, железные прутья в палец толщиной. Напротив, лениво укачивая, словно младенца на коленях, меч в ножнах, усился стражник, толстый, бритый наголо парень, обвешанный золотом.

Похоже, неистощимый поток ругательств, которыми осыпал его киммериец, приводил охранника в истинное восхищение: тот пару раз даже принимался цокать языком и кивал, словно брал на заметку какое-то особо удачное выражение.

Конан мог бы продолжать так бесконечно долго — одновременно пытаясь незаметно ослабить узел, стянувший руки за спиной... пока что, увы, безрезультатно, как вдруг Палома окликнула его неожиданно сладким голосом:

— Сигерд, любимый муж мой!

Он уже повернулся было, чтобы в красках выразить все, что думает по поводу этой проклятой игры, которая может стоить им обоим жизни — но наткнулся на выразительный взгляд наемницы — и осекся. Та явно что-то задумала.

— Что, Сьюхиль?

— Сигерд, мы оба скоро умрем. Это правда? — Она повернулась к стражнику. Тот похотливо ухмыльнулся.

— Ну, ты-то еще поживешь немного, красотка. Это я тебе обещаю!

— Но мужа вы убьете! — Бандит выразительно пожал плечами: мол, что проку спрашивать очевидные вещи. — Так позволь нам с ним попрощаться!

— Чего-о? Руки не развязжу, и не проси!

— Нет, нет, добрый господин, — испуганно залепетала женщина — Просто позволь — пусть муж хоть поцелует меня... на прощание!

Кром! Что она задумала?

Стражник, как видно, задался тем же вопросом, но не заподозрил в этой безобидной просьбе ничего, кроме глупой бабьей сентиментальности — а потому великодушно дозволил:

— Ну, ладно. Потешьтесь напоследок, так и быть.

— Поцелуй меня, Сигерд, любимый! Совершенно ошелевший от такого поворота,

Конан, связанный, подкатился к наемнице. Та тоже подползла навстречу — и повернулась так, чтобы стражнику было не разглядеть ее лица.

Их губы встретились. Но вместо поцелоя Палома яростно прошептала:

— Живее! Зубами — слева из воротника!

Вот оно что! Конан тут же вспомнил их давний разговор с наемницей о том, где удобнее прятать оружие. Сам-то он был яростным противником всех этих штучек. Честный меч, честный нож — только это достойно мужчины! Но, возможно, зря он тогда осуждал Палому!..

Ухмыляясь, северянин нагнул голову, делая вид, будто целует ее в шею — и осторожно извлек за рукоять тонкое лезвие.

Терция! Оружие наемных убийц. Гибкое, точно ивовый лист, смертоносное, как бритва!

— Ближе мне к рукам!

Стараясь, чтобы со стороны их действия выглядели, как невинная любовная игра, Конан ухитрился передать терцию прямо в руки наемнице.

Как она сумеет справиться — со связанными запястьями! — он не мог понять... но, судя по всему, в Бельверусской тайной службе Палома прошла неплохую школу! Всего через несколько мгновений ее серые глаза вспыхнули победным блеском.

Готово!

Неожиданно она приподнялась на полу.

— Эй, господин стражник! Тот захмылялся.

— Что, муженек-то мало на что способен? Ну, так и быть, давай я тебе помогу!

Палома оскалилась в ответ.

— Ты добрый человек. Иди сюда, ко мне! Тот с сожалением помотал головой.

— И рад бы, красавица, да ключ от вашей клетки только у Стервятника. Не доверяет он нам почему-то... — и паскудно захохотал, пожирая ее глазами.

Наемница с сожалением вздохнула.

— Жаль. Тогда придется справиться и так...

— Ты о чём это? — Бритый удивленно скривился: как видно, что-то в голосе пленницы насторожило его. Но осознать собственную тревогу он не успел...

Резкий взмах руки. Свист лезвия.

И терция, точно пройдя меж прутьев решетки, вонзилась прямо ему в горло.

Захлебываясь кровью, бандит упал.

Не тратя времени на разговоры, наемница извлекла вторую терцию откуда-то из рукава, ловким движением разрезала путы на ногах — затем освободила Конана.

— Теперь придется ждать, пока кто-нибудь явится за нами. Жаль, у этого ублюдка не оказалось ключа!

Но северянин только ухмыльнулся в ответ.

— Всю жизнь ненавидел ждать! Может, у тебя найдется шпилька?

Обрадованная, Палома со смехом захлопала в ладоши!

— Вот почему люблю иметь дело с ворами!

— Это я заметил, — пробурчал киммериец, принимая медную проволочку. — И они тебя любят... почему-то.

Палома вмиг посерезнела, виноватым голосом произнесла:

— Ты прав. Это моя вина. По моей глупости мы оба могли лишиться жизни. Прости.

Конан лишь махнул рукой — извиняться будем, когда выберемся на волю. Пока рано болтать!

...На то, чтобы разделаться с замком, ушло всего несколько мгновений. Но теперь оставалось самое сложное.

Статуэтка косальского божка.

И графиня Лигейя.

* * *

По пути наверх им почти не встретилось препятствий — ну, не считать же таковыми, в самом деле, двоих стражников в караулке, и еще двоих, стороживших выход из подвала, служившего Стервятнику темницей. Конан с Паломой даже заспорили тихонько, не желая уступать друг другу удовольствие разделаться с ублюдками... Зато теперь оба были вооружены до зубов: киммериец взял себе два меча, наемница собрала у всех убитых кинжалы.

Первый этаж, где располагались две большие комнаты стражи, они миновали с осторожностью, решив, что пока не готовы вступить в бой с тремя десятками бандитов. Ну, а затем началось настоящее веселье...

Самым сложным было бесшумно снять часовых, дежуривших у входа в «tronный зал» Тусцеллы, чтобы не встревожить тех, кто внутри. Но Палома не зря всегда хвалилась, что не знает себе равных в метании ножей. Два разом — это было посложнее... И все же наемница с честью вышла из этого испытания. Вертаген, ее наставник в Бельверусе, сейчас гордился бы своей воспитанницей!

Переступив через два хрипящих в кровавых пузырях тела, бойцы переглянулись — и киммериец мощным ударом ноги выбил дверь. Они влетели внутрь с оружием наизготовку, как раз вовремя, чтобы расслышать слова Тусцеллы, обращенные к Лигейе: — ...графиня, вы будете удивлены... Это были его последние слова. Воспользовавшись замешательством бандитов,

Конан вылетел на середину зала, кося врагов мощными ударами двух клинов, словно жнец — колосья. Мгновение — и на полу уже валялось пятеро негодяев. Тусцелла стал шестым. Меч киммерийца снес ей голову, и она покатилась по полу, разметав рыжие патлы. На бледном лице навсегда застыло выражение смертельной ненависти.

...Палома, ловким броском вогнав последний кинжал в глазницу Магрина, рывком подхватила меч одного из убитых и сцепилась в схватке с Пардосом. Яростный натиск ее был столь стремителен, что бандит не продержался и трех выпадов.

За это время киммериец оттеснил к окну еще одного из подручных Стервятника — и единственным ударом выпустил ему внутренности.

Последний из оставшихся в живых, вместо того чтобы бежать прочь и звать на помощь своих приятелей, метнулся к графине Лигейе.

— Не подходите! — заорал он, бешено вращая глазами. — А то я ее прирежу! — В руке его сверкнул меч.

Это было его ошибкой.

Седовласая женщина, от которой никто не ожидал такой ловкости, бросилась ничком на пол, молниеносно откатившись прочь, — и Конан, мгновенно воспользовавшись замешательством противника, метнул в него меч.

Пущенный мощной дланью северянина, клинок просвистел в воздухе — и вонзился прямо в грудь бандиту. Тот рухнул навзничь, и стала зазвенела о мрамор.

Все было кончено.

...Некоторое время в зале слышалось лишь тяжелое дыхание бойцов, да клокочущие хрипы умирающих. Молчание нарушила графиня Лигейя:

— Полагаю, я должна благодарить вас за спасение, господа? Хотя жаль, что вы не появились на пару мгновений позже... но, полагаю, мне едва ли стоит роптать.

Конан и Палома не совсем поняли, что она имела в виду, но переспрашивать не стали. Сейчас было не до того.

— Думаешь, они там, внизу, что-то слышали? — встревожено спросила северянина девушка. — Вроде бы, никто не успел закричать...

Тот пожал широченными плечами.

— В любом случае, скоро встревожатся. Либо вниз кто-то спустится, либо захотят подняться сюда...

— Тридцать человек... — Палома поморщилась. Покосилась на окно. — Нет, через эти проклятые бойницы даже мне не выбраться — о тебе я уж молчу.

— Верно. Ладно, придется поискать другой путь.

Не дожидаясь возражений напарницы, киммериец бросился прочь из зала. Оставшись одни, женщины тревожно переглянулись.

— Выхода нет, верно? — спросила графиня таким спокойным тоном, словно обсуждала погоду.

Палома не желала поддаваться отчаянию. В конце концов, совсем недавно их положение представлялось куда более плачевным.

— Выход есть всегда, — только и ответила она. — Его просто надо отыскать. — И, не желая больше тратить время на пустые разговоры, принялась подтаскивать к дверям самую тяжелую мебель — кресла, стол, сундук — чтобы, в худшем случае, они могли забаррикадироваться в зале. Нужно только дотянуть до утра! Тогда можно будет попробовать позвать на помощь из окна... да мало ли еще что придумать! Хоть даже поджечь весь этот проклятый особняк!..

Тем временем, вернулся Конан.

— Везде одно и то же, — удрученно оповестил он. — Не окна, а мышиные норы!

— Крыша! — внезапно воскликнула Лигейя. И верно!

Крыша особняка, плоская, как это принято в Коршене... если забраться туда, там куда легче обороняться, чем в этом зале-ловушке, да и на помощь позвать... все втроем они ринулись к лестнице. Даже у Лигейи в руках был меч, явно слишком тяжелый для хрупкой женщины, но ни Конан, ни Палома не посмели ничего ей сказать.

А внизу уже поднялась тревога — должно быть, кто-то обнаружил трупы в подвале. Кто-то заорал истошно:

— Магрин! Пленники сбежали!

— Тусцелла! Эй, что у вас там?!

Послышался топот сапог, звон оружия...

Но беглецы уже достигли винтовой лестницы, ведущей на крышу. Конан задержался на мгновение, чтобы столкнуть вниз самого ретивого из преследователей, давая женщинам время укрыться в безопасности — бандит, сыпля ругательствами, покатился по ступеням, увлекая за собой еще двух товарищей. Воспользовавшись их замешательством, киммериец устремился наверх.

Деревянный люк запирался выдвижным засовом — правда, довольно хлипким, но все же дававшим надежду на передышку. Снизу уже сыпались удары, слышалась отчаянная ругань и угрозы.

Северянин велел женщинам осмотреться — но сам остался у люка, готовит в любой миг отразить нападение. Судя по тому, как трещали плохо пригнанные доски и выгибался в петлях засов — надолго эта преграда бандитов не остановит...

Откуда-то сзади послышался взорванный крик Паломы. Но Конан не успел толком разобрать, что она кричит. Доски раскололись, брызнув щепами — и вновь начался бой.

По счастью, на узкой лестнице мог сражаться лишь один человек; бандиты лезли вверх, одержимые яростью и жаждой мщения, лишь мешая друг другу — и пока киммерийцу не составляло труда отбивать атаки. Один за другим раненые падали вниз по ступеням...

Но их место тут же занимали новые бойцы — а силы Конана были не беспредельны. Рано или поздно он устанет работать мечом... и что тогда? И где же — Сет ее побери! — подевалась Палома?!

В этот миг наемница оказалась рядом с ним.

— Спасены! Там — подмога! — Она мотнула головой куда-то назад.

Но Конан уже услышал и сам. Вопли у ворот особняка. Лязг мечей. Топот бегущих ног. ...Гарбо наконец подоспел на помощь.

— Госпожа, там прибыл эскорт, который за вами прислал его сиятельство граф Лаварро! — Служанка, в низком поклоне присевшая перед креслом пожилой дамы, восторженно округлила глаза. — Человек сорок стражников, госпожа, все конные, с графскими штандартами... Ох!

Лигейя ласково улыбнулась девушки.

— Эскорт графа Лаварро подождет, дитя. Я еще не закончила свои дела в доме сына. — Она обернулась к Паломе, сидевшей на низком диване напротив. — Жаль, что не удалось избежать огласки. Рано или поздно я все равно намеревалась выйти из своего добровольного заточения — но все же не таким... шумным образом.

Наемница засмеялась. За несколько часов, прошедших после их чудесного спасения, две женщины почти не расставались; во дворце Месьора им отвели смежные покой, чтобы они могли отдохнуть после пережитых потрясений, однако они предпочли отдыху дружескую болтовню. Палома и сама не заметила, как успела рассказать Лигейе почти всю историю своей жизни...

Что касается супруга графини, то, разумеется, после резни, которую устроил Гарбо сотоварищи в центре Коршена, скрыть от него происшедшее было невозможно, однако ему, как и всем остальным, преподнесли сильно измененную и урезанную версию событий: якобы злодей Тусцелла, желая получить богатый выкуп, выкрал графиню прямо из сада, где она гуляла — но был замечен храбрецом Гарбо, который и вызволил несчастную жертву из лап коварных негодяев.

— Зато теперь Лаварро задаст бал в вашу честь — мы сможем на славу повеселиться!

— О, да, дитя, ты ведь любительница графских балов, я помню...

Смузенная, Палома не ответила, не зная, как реагировать на эти слова: слишком уж двусмысленным было ее первое и последнее появление во дворце, две луны тому назад. И откуда затворница Лигейя могла узнать?..

— Грациан рассказал мне эту историю. Признаться, я смеялась, как безумная!

Вот если бы мне еще кто-нибудь объяснил смысл шутки, — мрачно подумала Палома. Но вслух сказала совсем другое:

— Грациан... Я беспокоюсь за него. Он рисковал вашей жизнью — так глупо, бездумно и ненужно! И он отталкивает от себя хороших, верных ему людей! Зачем?!

Лигейя поднялась с кресла, прошлась по комнате, затем присела рядом с Паломой и ласково взяла ее за руки.

— Ты так юна и наивна, дитя... Боги, мне кажется, я никогда не была такой... Дай слово, что не забудешь меня и станешь навещать во дворце: мне это так необходимо! Словно пьешь чистую воду... — Она помолчала. — Что же касается моего сына — мне трудно судить. Он так изменился за те годы, что мы не виделись с ним. Особенно, после этогоувечья... Теперь он куда меньше похож на своего отца! Потому что если бы вся эта история случилась лет десять назад, я сказала бы с уверенностью, что по какой-то причине Грациан пожелал избавиться от меня — и намеренно устроил все именно так. Сейчас же... не знаю. Скорее всего, он просто не учел, на что способен Тусцелла. Хотя, возможно, он надеялся таким образом опознать изменника в графской семье... Жаль, что это не получилось!

Палома не могла поверить своим ушам.

— Избавиться от вас?! И вы так спокойно говорите об этом? Да он чудовище или человек?!

— Человек, конечно. И именно поэтому — чудовище. Как и каждый из нас. Ты не

знаешь истории нашего рода, дитя, и это к лучшему. Хотя, возможно, когда-нибудь я расскажу тебе... Но пока довольно будет сказать лишь, что я не вижу в этом ничего особенного. Просто... каждый из нас всегда вел свою игру. Я сумела бы защитить себя, не сомневайся. Хотя в какой-то момент мне это опротивело — именно тогда, десять лет назад, я и стала затворницей. Так было проще...

— Все равно — я не понимаю!

И вновь графиня Лигейя улыбнулась своей мудрой, всепрощающей улыбкой.

— О, дитя! Просто нужно разделять суть человека, его намерения и поступки. Добрый человек способен желать зла другому — и поступить дурно. Точно также скверный человек может желать кому-то блага. Скажу больше, можно, желая другому добра, причинить ему зло, и наоборот...

Наемница в сомнении тряхнула головой.

— Это слишком сложно для меня!

— И ты права. Ибо на самом деле нет ни добрых, ни злых людей, равно как ни добрых, ни злых намерений или поступков!

— О, вы совсем запутали меня! Так что же тогда есть?!

Лигейя задумалась.

— Об этом тебе лучше всего, наверное, сказал бы твой друг киммериец. Есть холодные, безразличные боги на небесах. И человек — с его волей и страстями. Вот и все!

— Но Грациан! Вы оправдываете то, что он сделал... но зачем он оттолкнул Конана от себя? Ведь вы слышали, что рассказал северянин: Грациан, по сути, сам признал, что они с Гарбо обманули его. Теперь киммериец уезжает. Он сказал, что не станет даже прощаться с Месьором...

А ведь о таком друге тот мог только мечтать! Зачем он так поступил с ним?!

— Он поступил мудро, — отозвалась графиня суховато, но, заметив, что глаза Паломы наполнились слезами — ибо девушка никак не могла пережить, что двое самых близких ей людей расстаются едва ли не врагами, — смягчилась. — Грациан был связан клятвой, которую дал Гарбо, и потому не мог быть честен с киммерийцем. Но он сделал самую разумную вещь, которая только ему оставалась: открыто признался в этом. Северянин ценит прямоту превыше всего. И потому не станет держать зла на моего сына. А это важно — потому что в будущем им еще суждено повстречаться, и я не хочу, чтобы они стали противниками.

— Вам ведомо будущее? Лигейя рассмеялась.

— О, не смотри на меня так испуганно, я вовсе не ведьма и не гадалка! Сейчас Конан придет — я позвала его — и ты все узнаешь. Он обещал мне помочь...

...Словно только и дождался этих ее слов, северянин появился в дверях. С собой он принес кувшин вина, а позади слуга, согбаясь под тяжестью, тащил поднос, заваленный аппетитной снедью, фруктами и сладостями. Вид у слуги почему-то был испуганный — впрочем, Палома давно заметила, что зачастую киммериец действует на челядь таким странным образом. Как видно, им внушал ужас его зычный голос и суровые манеры.

По-хозяйски распоряжаясь, Конан уселся напротив женщин, велев слуге разлить вино и расставить угощение, тут же осушил бокал и с аппетитом принялся за еду.

— Пока попрощался с ребятами в казармах, пока собрался в дорогу... — проговорил он с набитым ртом. — Даже крошки во рту не было! А потом подумал — наверняка эти недотепы и вас покормить забыли!

Графиня Лигейя ответила ему восхищенной улыбкой.

— О, юноша, теперь ты — дважды наш спаситель!

Впрочем, сама она почти не притронулась ни к вину, ни к еде, только с удовольствием наблюдая, как уголяют голод молодые люди.

Насытившись, Палома подняла взгляд на киммерийца:

— Так, значит, уезжаешь?

— Да. Конь уже под седлом.

— И... прощаться ни с кем не будешь?

— Почему? Вот с вами же я прощаюсь... Ладно, тема закрыта, поняла наемница. Боги, ну почему мужчины — такие странные, упрямые существа?!

Пока она размышляла об этом, Конан повернулся к Лигейе.

— Вы сказали, графиня, что о чем-то хотите меня попросить?

— О, да! — Пожилая женщина ожила. — У меня давно уже зрел один план — но не было человека, способного помочь осуществить его. А тебя, юноша, мне словно послали сами боги! Я хотела бы нанять тебя для небольшого поручения. Нужно поехать в Аквилонию — и привезти сюда, в Коршен, одного мальчика. Моего младшего сына. Семь лет назад его отправили пажом к барону Алиусу Тимарольскому, но теперь я хочу, чтобы он вернулся домой.

Распространенный обычай в семействах нобилей — младшие отпрыски воспитывались не дома, а в домах друзей или дальних родичей, зачастую очень далеко от родных мест, набирались там ума-разума, зачастую даже находили невест... Так знать укрепляла связи между богатыми родами.

Но зачем это нужно делать так скрытно? Почему бы не послать отряд гвардейцев, как подобает по традиции? С какой стати Лигейе тайно отправлять за сыном единственного наемника, которого она, к тому же, едва знает? Опять интриги... Или женщина просто чего-то боится?!

Киммериец пристально посмотрел на нее, не торопясь с ответом.

— Дело в том, что я никому не могу доверять, — печально продолжила графиня. — Все словно помешались из-за этого наследства. Дети графа грызутся между собою, как свора псов. Кто-то покушался на жизнь Грациана. Как можно быть уверенным, что охрана, которую я пошлю за Эстеваном, не будет подкуплена?

— Так не проще ли оставить парня в Аквилонии, если там безопаснее?

Графиня с грустной улыбкой покачала головой.

— Он должен вернуться. Пришло время. И я прошу тебя, Конан, отправиться за ним. Ты сделаешь это?

Киммериец кивнул.

— Но есть одна проблема, — продолжила женщина. — Я не знаю, смогу ли я заплатить тебе. Если только ты согласишься принять пару изумрудов из того ожерелья?..

— Ваше ожерелье? — Палома пришла в ужас. Но это же настоящее сокровище! — Она лишь мельком разглядела его, когда Лигейя забрала свою собственность из мертвых рук Тусцеллы, но с уверенностью могла бы сказать, что равного по красоте украшения ей не доводилось видеть.

— О, что такое эти глупые стекляшки — по сравнению с жизнью моего сына! — Пожав плечами, Лигейя потянулась за ожерельем. Но неожиданно Конан остановил ее и расхохотался, вскинув руки.

— Кром, что за нелепость! Неужели я возьму деньги у женщины, которая просит о помощи?!

— Но...

Киммериец продолжал смеяться. Под изумленными взглядами двух женщин он снял прицепленный к поясу кошель и, развязав тесемки, вытряхнул содержимое из кожаного мешочка на низенький столик...

Камни со звоном раскатились по мраморной столешнице, играя в солнечных лучах всеми цветами радуги. Рубины, гранаты, сапфиры и изумруды, жемчуга и опалы, агаты и аквамарины... Их было не меньше сотни, крупные, как на подбор, и превосходной огранки. Вся комната вмиг наполнилась их переливчатым сиянием.

Женщины смотрели, как завороженные.

Наконец Палома прошептала:

— Откуда это у тебя?

— Не только у меня! — Северянин веселился от души. Ребром загрубевшей ладони он разделил горку камней на три части и сгреб одну обратно в кошель. Вторую придинул наемнице, третью — Лигейе. — Забирайте. У вас на эти камешки прав не меньше, чем у меня!

Ни Палома, ни графиня даже не шелохнулись, не сводя потрясенных взоров с Конана. Отсмеявшись, тот наконец соизволил объяснить.

То, что Гарбо пытается обмануть его рассказом о волшебной косальской статуэтке, Конан понял почти сразу. И глаза у вора как-то нехорошо бегали, когда он выкладывал всю эту историю, и потом Грациан намеками подтвердил, что дело нечисто...

Но больше всего наблюдательного киммерийца убедило поведение Тусцеллы. Когда он подглядывал за «черным бароном», тот тряс фигурку и поглаживал ее, как самое дорогое сокровище.

Но ведь та явно оказалась не в состоянии предупредить хозяина об опасности... И сам Тусцелла заявил громогласно, что не верит ни в богов, ни в демонов — суеверный человек поостерегся бы так бросаться словами.

В общем, Конан успел обшарить спальню Стервятника и взломал сундук-сокровищницу. А когда разбил глиняного идола...

— Все это было там! Все драгоценности, которые скопил этот недоумок! Он так любил свои камешки, что не мог с ними расстаться — а чтобы не обокрали свои же подельщики, спрятал их внутри статуэтки.

— Но зачем Гарбо хотел, чтобы Конан украл этого божка? — изумилась графиня. — Ведь когда они разделались бы с Тусцеллой, он и так получил бы все!

Улыбнувшись наивности пожилой женщины, Палома пояснила:

— Во-первых, план мог провалиться, и Стервятник избежал бы ловушки — а Гарбо все равно заполучил бы камни, благодаря Конану. А во-вторых... он не хотел делиться со своими людьми, если бы сокровище нашел кто-то из них!

— Что ж, и поделом ему тогда! — мстительно засмеялась Лигейя. — Этот мальчишка — в точности как мой покойный братец. Хитрый, жадный глупец! Не бойся, киммериец, от нас с Паломой никто ничего не узнает. Я скажу и Гарбо, и Грациану, что мы трое не разлучались ни на миг и понятия не имеем ни о каких сокровищах. Пусть гадают, куда делятся косальский божок!

— Вот это и будет мне лучшей наградой за твоё поручение! — с громовым смехом

отозвался киммериец.

— Так ты согласен?

— Еще бы!

— Тогда я буду ждать твоего возвращения. — Поднявшись со своего места, графиня Лигейя приблизилась к киммерийцу и по-матерински поцеловала в лоб. — Доставь мне моего мальчика живым и невредимым...

— Я тоже буду ждать. — Палома подняла сжатый кулак, в традиционном приветствии братьев по оружию.

Конан ответил ей таким же жестом.

* * *

...Пожилая женщина и человек, прикованный к креслу, — одни в полутемной комнате...

— Ты затеял опасную игру, сын. Опасную игру. Я тревожусь за тебя.

Он молчал так долго, что она усомнилась, понял ли он ее слова. И наконец отзывался:

— Я ждал десять лет, чтобы услышать это от тебя. Но... ты на моей стороне?

— Как ты можешь спрашивать об этом?!

— Ты — дитя своего отца.

— То же самое могу сказать и о тебе.

И вновь тишина повисла между ними. Сказано было слишком много — для того, кто умел слышать невысказанное.

Наконец мужчина вновь подал голос:

— Осталось две луны. Думаешь, мы успеем?

— Все предусмотреть невозможно — так уж устроена жизнь. Но мы постараемся. — В голосе женщины звучала убежденность, которой, возможно, в душе она и не ощущала. — Я верю в тебя, сын.

Он засмеялся горьким, ироничным смехом.

— Старуха и калека. О, какая блестящая пара!

Рассерженная, она не дала ему договорить:

— Мудрость и опыт. Хитрость и предвидение. Были ли когда-нибудь лучшие игроки?!

Он пожал плечами.

— Что ж, посмотрим. В любом случае, игра началась. И первый ход за нами...